

Колос

11

НОЯБРЬ

1961

Колос

11
НОЯБРЬ

1961

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» А. Томили-
на, «МАЛЬЧИКИ» Ю. Томина,
«ПЛАНЕТА ЧУДЕС» Н. Сладко-
ва, «В ЛЮБОМ ДЕЛЕ НУЖНО
РАБОТАТЬ» В. Голявки-
на, «ОТА-ПУТЕШЕСТВЕННИК»
А. Бинека

*

ОЧЕРКИ

«ЗАПАДНЕЕ БРАНДЕНБУРГ-
СКИХ ВОРОТ» А. Крестинского,
«ВСТРЕЧИ ПОД СОЛНЦЕМ»
А. Давыдова, «ЧТОБЫ АТОМ
СТАЛ РАБОЧИМ» Р. Копыловой,
«МУРАВЕЙНИК» В. Козлова,
«АГИТПОЕЗД „ЗАРЯ РЕВОЛЮ-
ЦИИ“» В. Кочегуры

*

СТИХИ

«ЧЕСТЬ» А. Чепурова, «МА-
ЛЕНЬКИЙ БАРАБАНЩИК»
А. Светлова, «ДВЕ СОРОКИ»
А. Высоковского

*

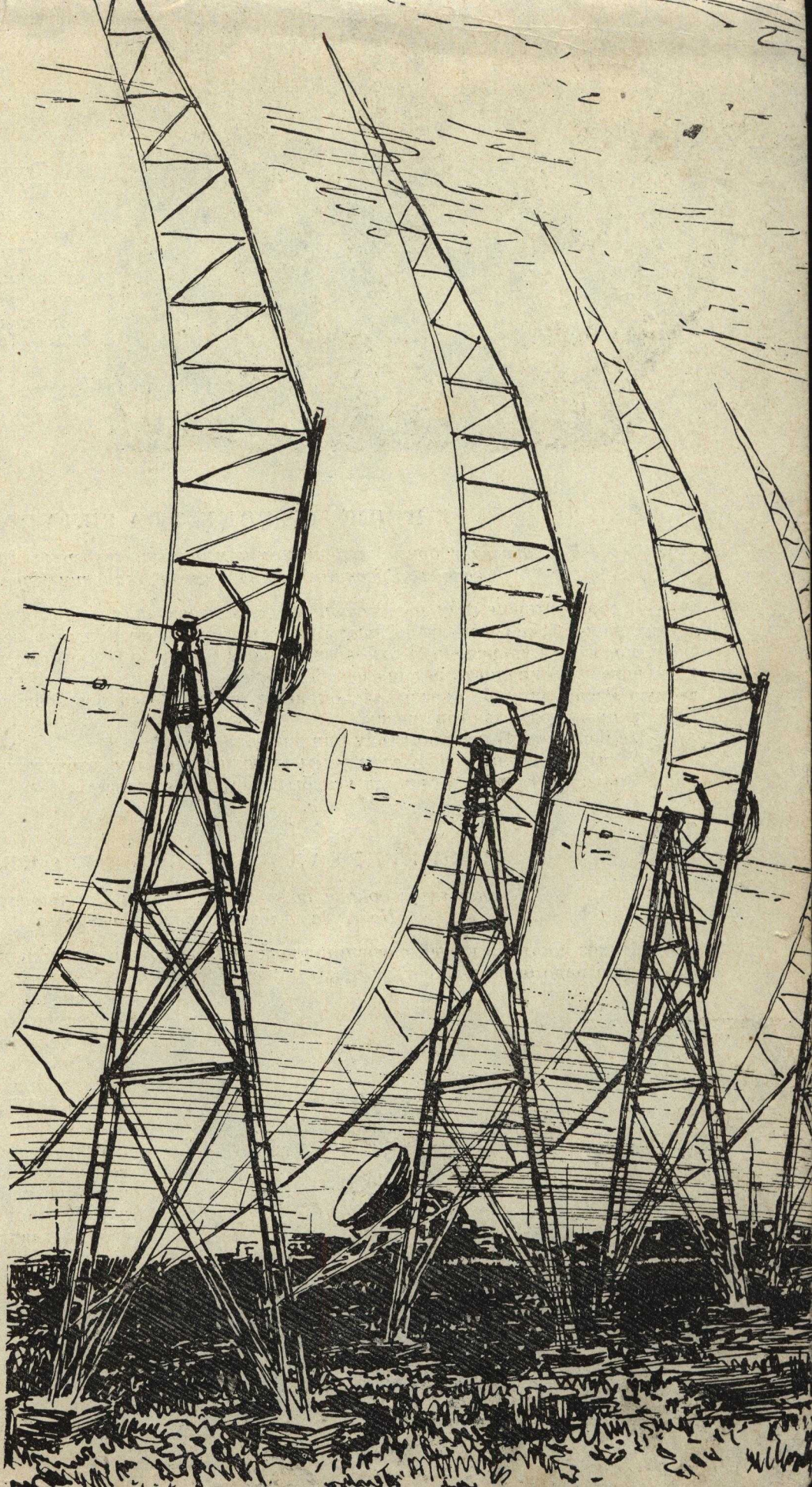
МОРСКАЯ ИГРА

*

ШАХМАТЫ

На обложке
рисунок В. Звонцова

На 2-ой странице обложки и
в титуле рисунки М. Юдина к рас-
казу «Возвращение» (стр. 10)

Закончил свою работу XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд принял Программу КПСС и утвердил Устав партии. Делегаты съезда приступили к своим повседневным делам...

В ПРОШЛОМ ГОДУ, ДВА ГОДА НАЗАД

Рассказывает бригадир бригады коммунистического труда, фрезеровщик завода «Русский дизель» Виктор Иванович Коротков:

— В сорок втором году нас, истощенных, замерзающих в блокадном Ленинграде пятнадцатилетних пацанов, перевозили по льду Ладожского озера на Большую землю. Фашисты бомбили дорогу, мороз был свирепый. Я отморозил руки и ноги и думал, что не выживу.

А через восемнадцать лет после той страшной зимы я ехал в гости в Германскую Демократическую Республику. Я показывал немецким рабочим, как фрезеровать быстрее и лучше. Это было в прошлом году, два года назад.

— Не понимаю. В прошлом году или два года назад?

— А все очень просто. К съезду мы выполнили по производительности труда семилетний план. Значит, в год наша бригада как бы два года проживает...

ДОМ ПЕРЕЕХАЛ НА ШЕСТЬ КИЛОМЕТРОВ

Рассказывает дворка колхоза им. 1 Мая Гатчинского района Надежда Александровна Соколова:

— Колхоз построил новый коровник в деревне Александровка. Значит, теперь, чтобы подоить коров, мне надо было добираться шесть километров. Шесть — туда, да шесть обратно, всего — двенадцать. Можно было, конечно, работу сменить, но только я приучена к делу относиться серьезно. Посоветовались мы с колхозом и... перевезли дом в Александровку.

— Как? Целый дом?

— Ну да. Разобрали по бревнышку, перевезли на машине и собрали на новом месте. Да что вы на меня так смотрите; не мы одни собирали, все помогали. Недаром нам в прошлом году присвоили звание бригады коммунистического труда.

ДЕЛЕГАТАМ СЪЕЗДА

ДЕЛ МНОГО...

*Рассказывает Герой Социалистического
Труда директор Ленинградского
научно-исследовательского института
Арктики и Антарктики
Алексей Федорович Трешников:*

— В полярную экспедицию я попал впервые еще студентом географического факультета Ленинградского университета. А всего участвовал в шестнадцати экспедициях. Пришлось побывать у двух полюсов — был начальником дрейфующей станции Северный Полюс-3, потом зимовал в Антарктиде. Тогда казалось, что проще работать в городах, даже на самой ответственной работе. Там день разделен на работу и отдых. А в экспедициях от забот не уйти ни днем, ни ночью.

— А теперь так не кажется?

— Теперь думаю, что на зимовках, пожалуй, легче. Там — в ответе за свою экспедицию. Здесь — за многие. Вышел санно-тракторный поезд из Мирного на станцию Восток-1, а ты сиди в Ленинграде и читай радиogramмы. Главное — был там, знаю, что такое Антарктика. Нет, самому легче.

— А когда снова в дальний рейс?

— Пока — хватает дел в Ленинграде. Готовим седьмую Антарктическую, формируем «экипажи» новых дрейфующих станций. Дел много, некогда.

ИСКУССТВО ДЛЯ НАРОДА

*Рассказывает лауреат Ленинской премии,
скульптор Михаил Константинович Аникушин:*

— Недавно я побывал в Архангельске. Там я познакомился с правнучками Александра Сергеевича Пушкина. Ирина Евгеньевна и Ольга Евгеньевна — уже пожилые женщины. Одна преподает английский язык, другая — воспитательница в детском интернате. Это — очень скромные, очень простые люди. Такими я и представлял себе потомков Пушкина в наше время...

— А что вы делали в Архангельске?

— Я ездил туда, чтобы рассказать о своей работе, о том, что я собираюсь делать в ближайшее время. Такие поездки, в которых мы как бы отчитываемся перед зрителем, стали обычными для многих художников и скульпторов... Видите ли, чтобы вылепить из глины или изваять из камня то, что до сих пор было только замыслом, скульптор запирается в четырех стенах. Но когда скульптура окончена, он показывает ее многим-многим людям, он отчитывается перед всем народом. Потому что он работает для народа.

Западнее БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

А. Крестинский Рисунки А. Овсепьянкова

На этих страницах вы прочтете, как живут и борются ваши сверстники—пионеры из Западного Берлина

Не верьте Курту Пичке

В школе на Рейтерштрассе появился новый учитель, человек небольшого роста, лысоватый, хромой, с привычкой неожиданно оборачиваться на ходу. Звали его Курт Пичке.

По школе пронесся слух, что новый учитель бежал из ГДР. В шестом классе, где училась Эльза Штор, его встретили сдержанным молчанием и любопытными взглядами исподтишка. Первый урок прошел спокойно, а на втором Пичке распоясался. Он принялся всю ругать коммунистов, говорил, что они разрушают памятники старины, что в ГДР нечего есть, что Юрий Гагарин пролетел на своем корабле «Восток» всего две минуты. Закончил Пичке так: «Пусть никто не вздумает летом ехать в пионерлагерь восточной зоны! Натерпитесь там...»

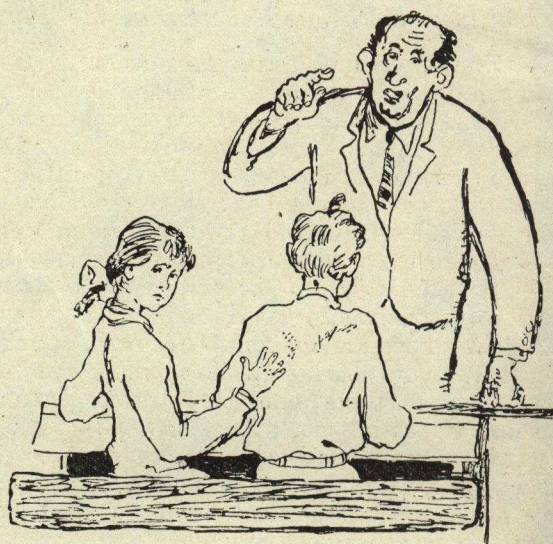
Четверо в классе переглянулись: куда гнет! Эльза за спиной растопырила пальцы правой руки и медленно сжала в кулак. Условный знак: надо собраться. Новый учитель ничего не заметил. Откуда ему знать, что в классе есть пионеры.

После уроков Эльза шопотом сказала друзьям:

— В других классах он тоже провел «душе-спасительные» беседы. Времени терять нельзя — скоро каникулы...

Трое склонились над столом, четвертый встал у двери.

А через несколько дней по всей Рейтер-

штрассе — на стенах домов, около булочной, куда часто забегают мамы, у подъезда кафе, куда заходят отцы; у ворот школы и на

углу, где часовая мастерская, — всюду белели листовки. Взрослые и дети останавливались и внимательно читали их.

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

СКОРО КАНИКУЛЫ. НАС ПРИГЛАШАЮТ НА ТРИ НЕДЕЛИ В ПИОНЕРЛАГЕРЬ ГДР. ПРОСИМ ВАС ОТПУСТИТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ И НЕ БОЯТЬСЯ ЗА НИХ. ПУСТЬ ОНИ САМИ УБЕДЯТСЯ, КАК ЖИВУТ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ, А НЕ ВЕРЯТ НА СЛОВО КУРТУ ПИЧКЕ

Каждый борется, как может

Катрин всего двенадцать лет, но у нее уже есть враги. Катрин ненавидит американские фильмы, которые не сходят с экранов Западного Берлина. В каждом из них не меньше десятка убийств. После таких фильмов многих ребят мучают ночью кошмары.

Катрин ведет тайную борьбу против своих врагов. Она призывает товарищей бойкотировать американские фильмы. «Ни один пионер нашего отряда, — с гордостью говорит Катрин, — не смотрит их...»

Каждый борется, как умеет. Вот сестра Катрин — та уже взрослая девушка — она участвует в настоящих демонстрациях. Недавно вместе с другими женщинами района Шарлоттенбург она вышла на улицу с требованием запретить выпуск комиксов — грязной литературы, которая учит грабить и убивать.

Женщины вышли на демонстрацию после того, как западноберлинский Сенат ответил на их петицию: «Вы сами виноваты, если ваши дети читают эти книги».

Женщины несли плакаты «Долой грязную литературу!», несли бельевые корзины с купленными на трудовые деньги книгами знаменитых немецких писателей и поэтов.

По обе стороны улицы стояли люди. Они швыряли в корзины пестрые книжонки. На обложках — искаженные злобой лица гангстеров, окровавленные тела, разинутые в предсмертном хрипе рты...

Демонстранты доставали из корзин книги Гёте, Гейне, Шиллера, Манна, протягивали их людям.

— Берите взамен. Не пожалеете!

На пустыре запылал громадный костер. Комиксы горели жарко. Коробились яркие переплеты, синее пламя плясало над сухими черными страницами, в последний раз гримасничали гангстеры на обложках.

Женщин разогнала полиция. Организаторов демонстрации арестовали. Среди них была сестра Катрин.

Карл Шмидт — второгодник

Карл Шмидт живет в Крейцберге. Это рабочий район Западного Берлина. В Крейцберге много заводов и фабрик, а пионеров всего около ста. Работать им очень трудно. Есть такие школы, в которых всего один пионер. Главное сейчас — множить пионерские ряды. Так говорит вожатая Марта.

Карл Шмидт и его товарищи рассказывают своим одноклассникам о Тельмане и юных тельмановцах, устраивают выставки, приглашают школьников на свои сборы. Они говорят: «Идите к нам. Посмотрите, что мы делаем, что умеем. Если понравится — вступайте в организацию!»

Карл Шмидт никогда не надевает в школу свой синий пионерский галстук. Если учитель Зингер узнает, что Карл пионер, ему плохо придется.

Каждый день на уроках Зингер читает вслух отрывки из дневника, который вел на Восточном фронте. Он был тогда офицером. И, судя по дневнику, — подлецом. Он ненавидит русских и социализм.

Однажды во время читки Карл встал и сказал, что не согласен с учителем. Зингер не выгнал Карла из класса, не поставил в угол, не ударил линейкой. Зингер стал бойкотировать его. Он не вызывал Карла до самого конца года, а потом оставил на второй год.

У юных тельмановцев Западного Берлина нет ни клубов, ни пионерских комнатов, ни красных уголков. Брать помещение в наем очень дорого, и чаще всего ребята собираются у кого-нибудь дома.

Они не могут пройти по улицам с горном и барабаном. Полицейские с резиновыми дубинками разгонят ребят так же, как разгоняют их родителей-демонстрантов. Пионеры собираются тайно: «от дома к дому». Карл бежит к Петеру, Петер к Луизе, Луиза к Гансу, Ганс к Катрин, Катрин к Эльзе... Так, по цепочке собирается весь отряд. В тесной комнате рабочего квартала ребята надевают галстуки. — «Зайт берайт!» — говорит вожатая. — «Иммер берайт!» — отвечают пионеры.

Александр Говоров

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ

Здесь край —
не край,
а благодать.
Как восхищенье
выразить?!
Здесь,
если гайку закопать,
то утром
трактор
вырастет.

И я
ни капли не солгал:
под казахстанским небом
я эту землю
в руки брал —
она,
как ломоть хлеба.

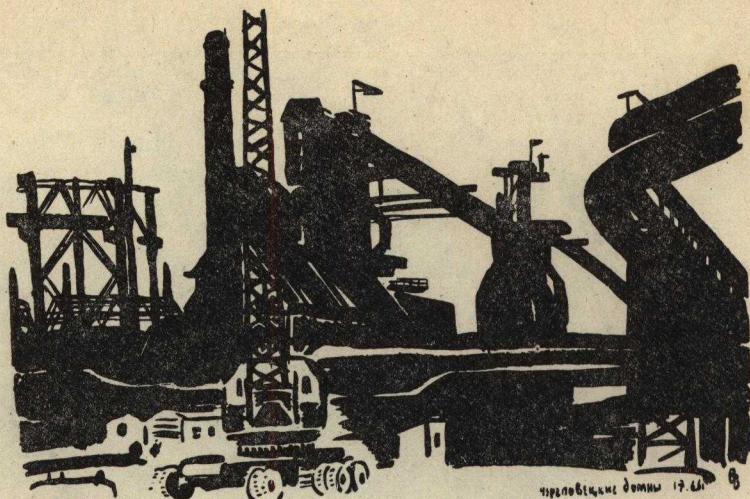
ТРАКТОР С ХАРАКТЕРОМ

Очень любит
папин трактор
мне показывать
характер.

Сколько ручку
ни крути,
мне его
не завести.

Погоди немного,
трактор,
покажу я
свой характер!

СЕВЕРНАЯ МАГНИТКА

Череповицкий домик 19.61

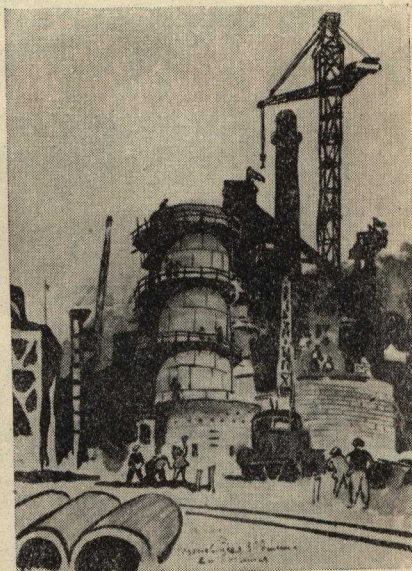
Ветрогоновский домик 19.61
А. И. Ветрогонов

20.6.61.

В.

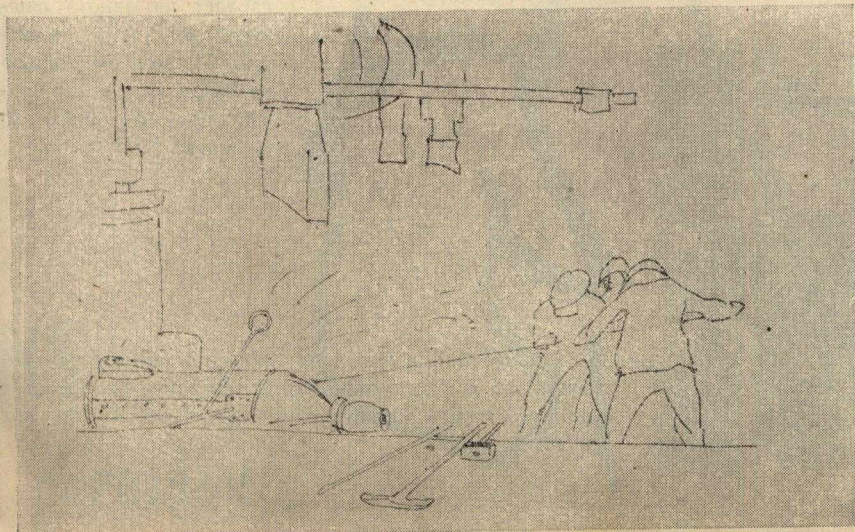
В детстве художник Владимир Александрович Ветрогоновский жил неподалеку от Череповца и часто вместе с отцом бывал в этом городе. Природа, красивая по-северному — густая, щедрая зелень, спокойная глубокая река Шексна. А город — глухой, захолустный: потемневшие деревянные дома и грязные досчатые мостовые.

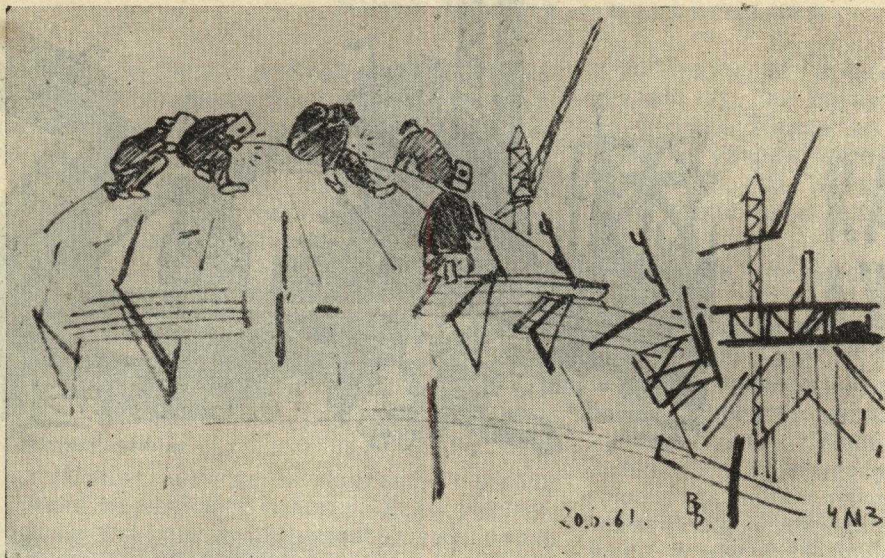
Несколько лет назад художник снова приехал в Череповец. Город показался неузнаваемым: асфальт, каменные дома и на каждом шагу — строительные краны. Но

самая главная новость — большой металлургический завод.

Из-за него и ехал сюда Ветрогоновский. Ему всегда нравилось рисовать работающих людей — работающих не в канцелярии, а в цеху, в шахте. Хотелось верно передать их движения — напряженные, точные, красивые, и непреднамеренные «световые эффекты»: фонарь, разрезающий темноту тоннеля, огненные вспышки плавки.

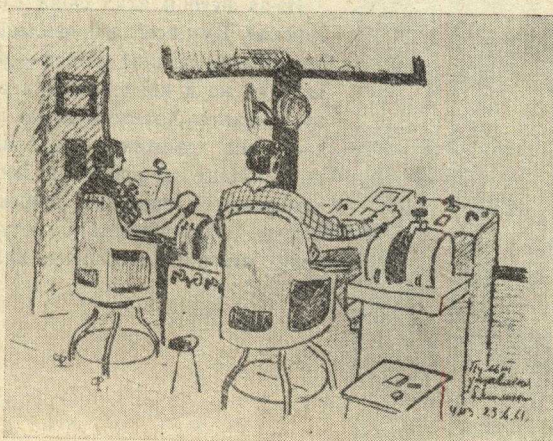
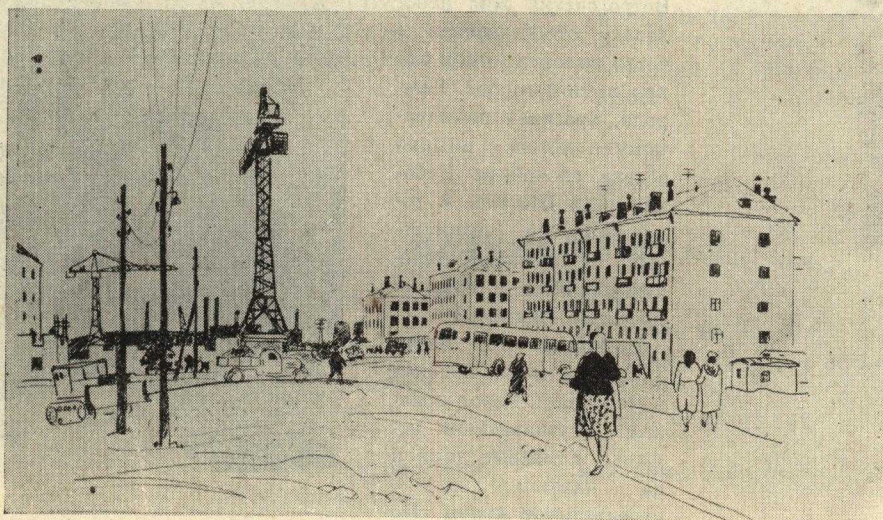

Закончены серии гра-
вюр, посвященных рабо-
чим ленинградского Ки-
ровского завода и шах-
терам Донбасса. Худо-
жник задумал новую се-
рию «Северная Магнит-
ка» — о людях Череп-
овского металлургическо-
го завода.

Ветрогонский целые
дни проводил на заводе,
знакомился с рабочи-
ми — умными людьми,
интересными собеседни-
ками. Там же, в Череп-
овце, художник начал
работать над портретом
Анатолия Ивановича
Ольховникова. Опытный
мастер, Герой Социали-
стического Труда, он хо-
роший учитель для мо-
лодежи.

Чтобы работать в го-
рячих заводских цехах,
надо быть и сильным и
ловким. Смелость горно-
вых, газовщиков, иногда
работающих даже без
специальной защитной
робы, вызывала одновре-
менно и гордость, и вос-
хищение, и даже острую,
хотя и добрую, зависть.
Вот один такой рабочий.
Он стоит спокойно, поч-
ти небрежно. Но с ка-
ким вниманием он смо-
тит вперед — такой не
сделает ни одного лиш-
него, неточного движе-
ния. И весь он словно
пронизан всеми оттенка-
ми огня — от алого до
оранжево-желтого.

Мы публикуем несколько рисунков художника, сде-
ланных им в Череповце. Посмотрите их — они помогут
вам представить стройку этого рабочего города, его
людей.

ЧМЗ

Горновой

НА ЦЕЛИНЕ

Рисунки В. Курдова

Встречи под солнцем

Сергей Давыдов

Вспоминается, когда мы ехали в Маканчинский целинный совхоз, наш друг, казахский поэт Абдикарим Ахметов отговаривал нас ехать туда. Ему все время хотелось показывать нам достопримечательности Казахстана. Так ленинградец показывает гостю Эрмитаж, Лавру, Ростральные колонны. Характер у Ахметова мало сказать горячий, огненный.

— И что вы надумали сюда ехать, — горячился он, — был я здесь пять лет назад, ничего интересного, несколько коз бегают, и все.

Увидев, какой совхоз выстроили целинники за пять лет, наш друг пристыженно молчал, теребил выросшие за дорожку усики и время от времени прищелкивал языком, как бы говоря: — Ай, ай, ты подумай, что сделали, горы свернули!

Вечерняя, но еще пронизанная солнечными бликами тень, падала на поселок с гор. Ровными рядами уходили вдаль

побеленные, похожие на украинские хатки, дома. Не хватало только садов. Слева до самого горизонта поля, поля. Маленький самолет деловито кружил над ними.

По улицам поселка проходили хозяева целины, пожилые и степенные, и совсем еще юные.

И показалось, что это не новое, только что родившееся на свет село, а уже обжитое, давнишнее, со своим укладом жизни, обычаями. В том, что все постройки в селе были солидными, а улицы чисты, прибраны, чувствовались хозяйские руки.

На улицах много ребятишек лет четырех-пяти, это уже коренные целинники, уроженцы целины. Пройдут года, вырастут эти ребятишки, и позовут их, может, в дорогу новые славные дела, но сердцем они будут привязаны к этой сторонке, к своей родине.

Были мы и в другом целинном совхозе — Урджарском.

Ему тоже пять лет. На том месте, где он основан, тоже была только степь. Теперь здесь целый городок. Когда мы приехали туда, целинники закладывали совхозный парк. Нужно сказать, что люди там очень скучают по лесу, и каждый старается посадить у себя под окном хоть несколько деревьев.

Директор совхоза рассказал нам, что решили целинники установить на пьедестал трактор, который проложил в Урджарском совхозе первую борозду. Теперь все ищут этот трактор, и никто точно не знает, который именно, потому что в совхозе много техники, и один показывает, этот, мол, был первым, а другой говорит, нет этот...

Так и не могут пока найти трактор-ветеран, хотя пьедестал уже сооружен.

И захотелось написать стихи о тракторе, который не хочет быть памятником, хочет еще поработать:

Он первую пробил здесь борозду
На первом потревоженном рассвете,
И гром его, как первую грозу,
Впервые перекачивал здесь ветер.

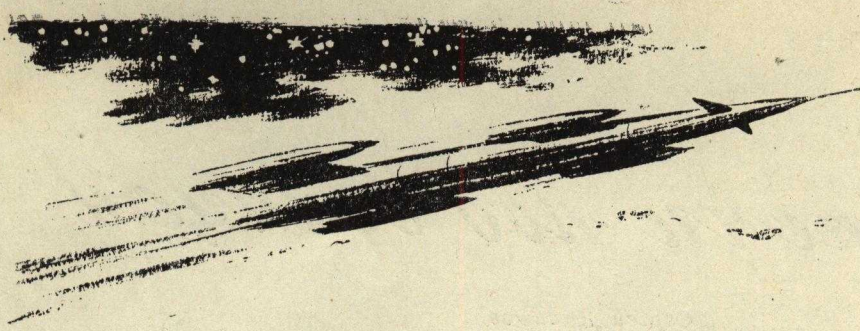
Прошли года, он постарел, устал,
Все время в поле на ходу чинился,
И траков благороднейший металл
В сражениях за хлеб поизносился.

Но все встречает новую весну
Рабочим гулом труженик упрямый.
Проносит по полям свою красу,
Свою красу в зазубринах и шрамах.

Но на привалах чувствует, — устал.
И думает, — состарился, голуба...
И вдруг узнал:
Его на пьедестал
Поднимут, как железного Колумба.

Глухою ночью пробирался он
В далекую бригаду на подмогу.
Сам пьедестал давно сооружен,
Но трактора никак найти не могут...

Пусть он устал, пусть он уже и стар,
Но памятником стыннуть неохота.
И в самом деле, к черту пьедестал,
Когда еще есть силы поработать!

Возвращение

А. Томили

Рисунки М. Юдина

«...18 марта 1985 года.

Итак, мы возвращаемся. Если произнести эти слова вслух, они прозвучат нелепо и торжественно. Но что поделать, — сегодня ровно тринадцать лет, как мы покинули Землю.

Мы — это Жан-Мари Летруа — второй штурман «Кассиопеи».

Алексей Соколов — астроном и биолог экспедиции, по совместительству — врач.

Хьюберт Пакстон — он ведал двигателями, и мы называли его «кочегаром».

Марта Эпрехт — инженер-радиотехник. На ее руках были вычислительные машины и вся автоматика.

И я — первый штурман «Кассиопеи».

Пять человек — состав первой международной межзвездной экспедиции, стартовавшей тринадцать лет назад...

Сегодня наш корабль пересек границу солнечной системы. На борту двое: я — теперь единственный штурман и Вольт — мой сын. И мы возвращаемся.

Те, к кому попадет этот дневник, найдут в нем подробное описание рейса, трех планетных систем, которые мы посетили и на которых оставили Алексея, и Пакстона, и Летруа... Найдут расчеты траекторий и описание переоборудования топливных бункеров. И ни одного слова о чувствах, о людях, о себе. Правда, шестого ноября тысяча девятьсот семьдесят пятого года на страницах моих записей о режиме полета слабой рукой Марты набросаны строчки: «Heute habe Ich

einen Sohn geboren. Wir werden Ihn Wolt nennen»¹.

Когда Марта волновалась, она обычно переходила на родной язык. Но слова написаны простым карандашом и их легко стереть... Я сделаю это после приземления, когда придется сдавать материалы отчета.

Сегодняшняя запись в дневнике, наверное, последняя. Мы возвращаемся. Но эти страницы я пишу для себя и вырву их из дневника тоже после приземления. После приземления и встречи... С кем?.. Кто встретит нас на планете по имени Земля?..

Мы были в трех разных звездных системах. Две планеты носили на себе следы цивилизации. «СЛЕДЫ? НОСИЛИ?» Да, это были именно следы давно погибшего. Почему? Может быть, там были войны. Рассыпавшиеся в прах сооружения заставляли трещать наши счетчики.

Жестокий мир странных планет отнял у нас Алексея. В архиве экспедиции сохранился обрывок магнитной ленты с записью его последнего сообщения: «Я остаюсь. На поиски не выходите. Материалы, собранные с поверхности планеты и загруженные в кормовой отсек, немедленно ликвидируйте. Корму подвергните многократной дезактивации. Планета населена...» На этом его сообщение обрывалось. Когда через трое суток из гнезд один за

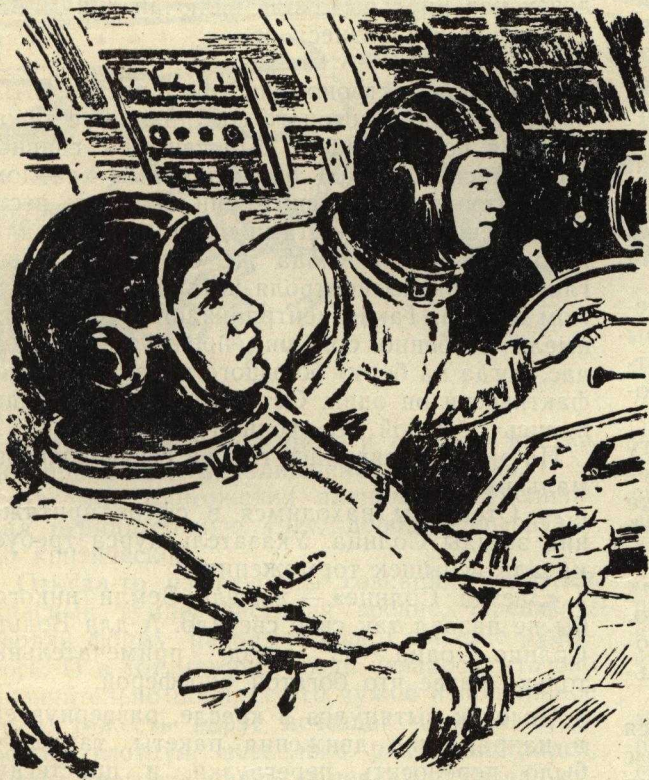
¹ Сегодня у меня родился сын. Мы назовем его Вольт.

другим стали вываливаться амортизаторы приземления и рассыпалась в пыль корма, мы поняли, что произошло с Алексеем и почему он не вернулся в корабль.

Уже в полете Хью Пакстон поставил запасные амортизаторы и заварил корму.

Месяц спустя мы похоронили Пакстона на встречном метеорите.

На девятом году полета на борту осталось уже только двое взрослых: Марта и я.

Я добавляю «взрослых», потому что Вольту к этому времени исполнилось шесть лет. Значит, нас было трое: мы с Мартой и наш ребенок Вольт — мой сын!

Зачем я пишу эти страницы, зачем снова и снова вспоминаю нелегкую историю нашей затянувшейся экспедиции именно сегодня? Не знаю. Может быть, просто для того, чтобы перед возвращением просто привести в порядок свои мысли?

Экспедиция была детищем всей Земли. Советский Союз построил «Кассиопею» и снабдил ее топливом, позволившим развить скорости, близкие к световой. Соединенные Штаты Америки поставили электронное оборудование, Япония и Германия — оптику.

Ни одной самой мощной и технически вооруженной державе в одиночку с такой задачей было бы не справиться.

Главной задачей, поставленной перед нами, была проверка парадокса времени. Действительно ли с приближением ракеты к скорости света время в ней начинает отставать от земного?

В своих расчетах с Летруа мы ориентировались на год. Год в космосе. Если учесть релятивистскую поправку, мы должны были вернуться на Землю, когда на ней пролетит десятилетие.

Первые три месяца полета показали, что на Земле недооценивали возможностей нашего корабля, и тогда мы решили раздвинуть рамки эксперимента, доведя мощность двигателей до предела.

Члены экипажа знали: это опасно. Тем не менее ни один голос не поднялся против моего предложения.

Имел ли право я рисковать? Но это был великий эксперимент, и я вправе был требовать подвига.

Тринадцать лет день за днем отмечал я в бортовом журнале. Тринадцать лет — это наше ракетное время. А земное?..

Сейчас на этот вопрос трудно ответить. Скорость «Кассиопеи» была очень близка к световой, и наше время могло идти в сотни раз медленнее земного. Все дело в том, как долго продолжался наш полет на таких скоростях? Год? Два? Пять?.. За это время Земля могла уйти вперед на тысячу лет. Мы вернемся не к внукам, не к правнукам... Разница будет больше, чем была бы она для Архимеда и Птолемея, восстань они из гроба к моменту нашего старта. Ведь развитие прогресса ускоряется.

Недавно я сказал об этом Вольту. Он спросил, а кто такой Архимед? И я не стал объяснять подробностей. Зачем? В мире, в который мы возвращаемся, наверняка, не осталось места подобным древностям. Для тех, кто встретит нас на Земле, наше время затерялось во мгле прошлого. Можем ли мы требовать от потомков, чтобы через тысячи лет они помнили нас?..

Вернись мы через пятьдесят лет, через сто, двести, наконец, — мы стали бы героями...

В детстве я часто бывал в зоологическом музее в Ленинграде на Васильевском острове. Там справа от входа в зал под большим стеклянным колпаком одиноко сидело чучело мамонта. Люди подходили и удивлялись, и уходили — спокойные, как и десять минут назад. Ископаемое. Из давно прошедшего...

Когда мы вернемся, меня, может быть, тоже посадят под стеклянный колпак?.. А Вольт?..

После смерти Марты я сам всерьез занялся его воспитанием. Ничего лишнего! Багаж точных знаний, которые смогут быть надежным фундаментом развившимся наукам будущего: биология, математика и физика. Новая физика, не та примитивная и устаревшая классика — времен Ньютона и Лейбница, а построенная на принципах квантовой механики и теории относительности.

Вместе с Вольтом я заново прошел все то, что было последним словом науки моего, двадцатого столетия. Конечно, я допускал, что многое с тех пор устарело. Обветшали аксиомы, гипотезы стали законами. И все-таки основные понятия главных наук будущего должны базироваться на прошлых достижениях. И этот фундамент знаний был заложен мной.

При этом ничего лишнего.

Я исключил историю из обязательных предметов. То, что для нас было историей, для людей будущего — легенда.

Незнаком Вольт и с художественной литературой. Через тысячелетия даже шедевры слова неизбежно превратятся просто в памятники старины, доступные немногим, владеющим древними языками.

Астрономия Мегамира заменила Вольту географию. За время нашего полета люди неузнаваемо изменят лицо Земли. Какой же смысл изучать географию несуществующей планеты?

Сейчас в десять лет Вольт знает физику так же, как студент-второкурсник, знает биологию, математику. И в то же время многое, что составляет жизнь обыкновенного земного мальчишки, ему неизвестно совсем.

Впрочем, Вольт не знает Земли. Он родился в ракете. И я не показывал ему захваченные с собой кинофильмы. Зачем? Для него это одна из планет, по которой он никогда не станет тосковать так, как тосковали мы...

Вольт будет идеальным космонавтом.

Вернись мы в наш мир, он вправе был бы обвинить меня в том, что я лишил его радостей детства. Но он должен полноправно войти в мир будущего. И я сделал все, чтобы мой сын не был «мамонтом».

Наконец, последнее сомнение. Что ждет нас на Земле? Иногда мне кажется, что нас встретит планета, повторившая судьбу тех двух страшных миров, на которых мы оставили тоvariщей.

Может быть, это неизбежно? Может быть, достигнув определенного уровня, цивилизация должна погибнуть, чтобы возродиться вновь?..

Тринадцать лет назад перед стартом, мы, все пятеро, подписали воззвание к народам Земли. Требование запрещения ядерного ору-

жия. Правда, прошли века, и, может быть, наши имена истлели в исторических архивах. А субсветовая скорость не позволила ни послать на Землю, ни принять ни одного сообщения по радио.

Кто же встретит нас, вернувшихся из тысячелетнего странствия?..»

* * *

Над пультом негромко занял зуммер. Человек повернул рычажок, включая динамик и микрофон, и произнес:

— Слушаю.

Выносной астрономический пост — ВАП, круглая кабина которого соединилась с телом корабля полрой трубой, был связан с главной штурманской рубкой телевизионным каналом. Это позволяло при снижении скорости вести наблюдения за планетами прямо из центрального помещения. Сюда же сводились и все главные органы контроля и управления режимом полета. Такая централизация управления имела особенно большие преимущества сейчас, когда на борту большого корабля остался фактически он один. Остальные отсеки соединялись обычной телефонной связью.

На экране появилась голова светловолосого мальчика.

— Отец, мы находимся в сфере притяжения звезды Солнца. Указатель курса требует начала вспышек торможения.

«Звезда Солнце» — житель Земли никогда бы не назвал так свое светило. А для Вольта Солнце — одна из звезд, примечательная только разве что богатой биосферой.

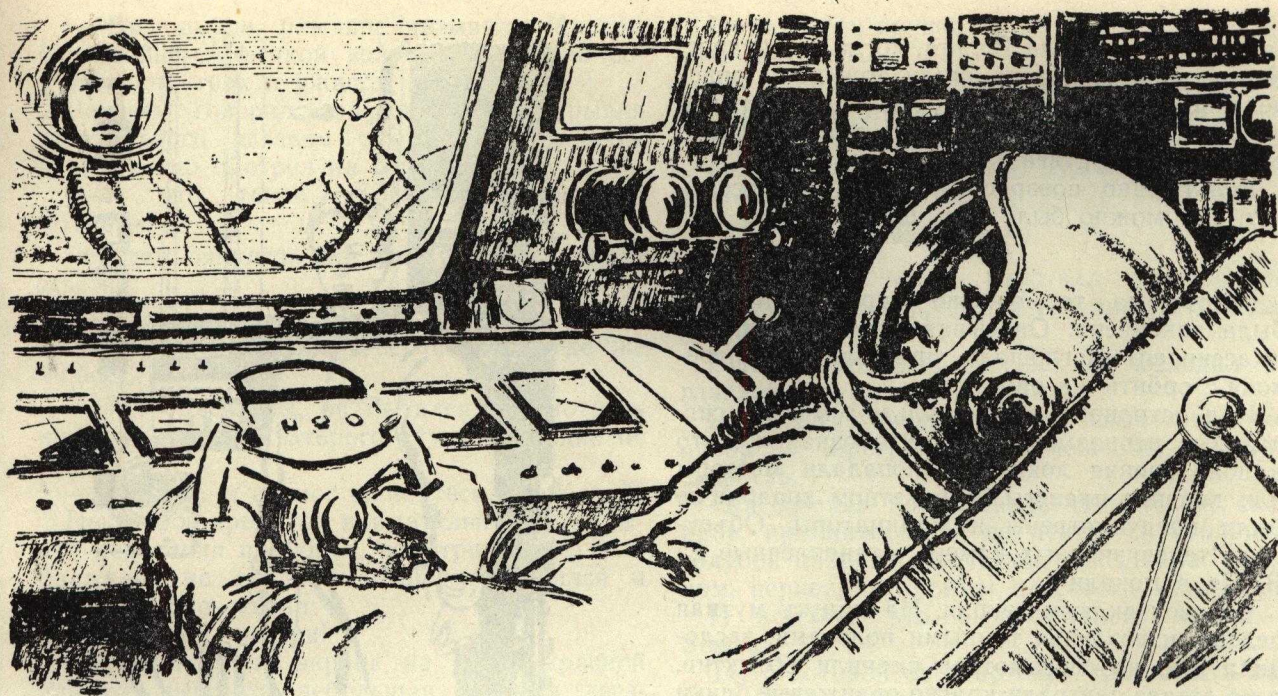
Человек вытянулся в кресле, развернув его в направлении движения ракеты, так легче было переносить перегрузки, и пристегнул ремни. Начинаясь самое неприятное — торможение. Он открыл кран подачи воздуха, и скафандр — обычная форма одежды на «Касиопее» — наполнился воздухом, стал упругим и тесным. Опустив голову на подушки кресла, человек прикрыл глаза.

— Готов!.. А ты?

— Я тоже. — Голос мальчика звучал спокойно. Для него торможение стало привычным режимом. Он даже не особенно страдал от скачков перегрузки, организм приспособился. Эта особенность позволила передать Вольту дублирование управления кораблем в периоды разгона и торможения.

— Включай!

Голос команды утонул в грохоте двигателей. Корабль резко тряхнуло, и сразу все тело стало наливать свинцовой тяжестью. Веки давили на глаза, глаза — на глазные впадины.

Казалось, еще мгновение — и грудная клетка не справится с навалившейся тяжестью.

Автомат торможения планомерно увеличивал отрицательную тягу, доводя перегрузку до критической.

Откуда-то из глубины сознания поднялся красный туман, застилал зрение. Предметы теряли форму, расплывались. Сознание рушилось. И в тот момент, когда казалось, что оно окончательно покинет это чужое неподвижное тело, тяжесть вдруг исчезла. Человек судорожно глотнул, несколько раз зажмурился, чтобы прогнать красную пелену, и снова увидел приборы. Первая ступень торможения была пройдена.

Вот так же, после одной из наиболее тяжелых перегрузок, сознание не вернулось к Марте. Они попали тогда в страшное гравитационное поле нейтронной звезды и тормозили главным двигателем. До сих пор ему оставалось неясным, как вырвалась «Кассиопея» из этого плена.

Когда на борту остались лишь двое, двое взрослых, Марта включила в схему управления автомат обратного привода. Теперь, даже если бы погибли все, приборы приведут корабль в пределы солнечной системы. И там, на далекой орбите, те же приборы включают мощные радиомаяки, которые сообщат людям Земли о возвращении ракеты.

Это было четыре ракетных года назад. С тех пор каждые две недели помещения ко-

рабля заполнял низкий мелодичный звон — предупреждение о переходе на автоматическое управление. Сигнал похоронным колоколом будил память об ушедших, заставлял страдать...

Каждый раз человек выключал автомат. И ровно через две недели низкий звон вновь и вновь заполнял огромный и такой пустой сейчас корабль.

Снова загрохотали двигатели. Ступени торможения следовали одна за другой, гася скорость до заданной величины. И каждая уносила частицу здоровья, частицу жизни. А сколько их прошло за тринадцать ракетных лет?..

Он с трудом повернул голову. Из глубины никелированной стойки на него смотрело усталое лицо с резкими морщинами возле губ и на лбу. Седые волосы выбились из-под противоперегрузочного шлема и падали на глаза. Когда-то синие-синие, они выцвели, лишенные яркого цвета родного неба.

Человек усмехнулся. В год старта ему было двадцать три. Сколько ему сейчас?..

Лучевая болезнь, настигшая его в районе Крабовидной туманности, выбелила волосы, иссекала лицо складками.

Марте тоже не удалось уберечься. Их сын родился альбиносом: белые, бесцветные волосы, белые брови и ресницы. Марта горевала — это так некрасиво в сочетании с бледной матовой кожей лица, лишенного загара и кра-

сок. Она не увидела Вольта, когда тот вырос. Черты лица мальчика стали тоньше и определеннее, а строгий и немного печальный взгляд красных глаз делал его облик немного странным и притягательным.

Вольт рано повзрослел. Сейчас, в десять лет, ему можно было дать шестнадцать.

* * *

Программа торможения первого периода была закончена. Описывая огромную спираль, «Кассиопея» поглощала пространство, переходя с орбиты на орбиту.

Над астрономическим пультом мигали сигнальные неоновые лампы. Это означало, что в поле зрения локаторов попадали метеоры или далекие планеты. В ракетном корабле не были предусмотрены иллюминаторы. Объективы телевизионных камер, установленные на ВАПе, заменяли их.

Человек включил экран. На минуту мутная пелена, изрезанная темными полосами, заслонила его, но сервомоторы сменили объектив, и на стекле заиграли красно-оранжевые блики далекого и самого близкого соседа Земли — Марса.

Человек не удержался. Он нажал кнопку вызова.

— Вольт! Иди сюда. Скорее, мы почти... у цели.

У него чуть не вырвалось «ДОМА». Вовремя остановился. Что является домом для Вольта? Да и, кроме того, зачем радоваться раньше времени? Кто знает, что их ждет там?..

Человек отвел глаза от экрана. На пульте все еще лежал раскрытый на последней странице бортовой журнал. Две строчки записей были жирно подчеркнуты — старая земная привычка выделять главное.

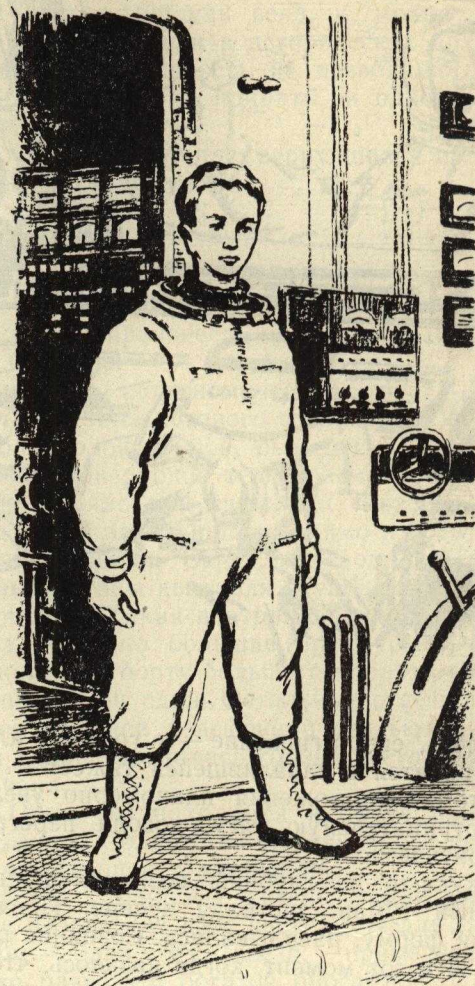
«Мы побывали в трех разных звездных системах. И две планеты носили следы цивилизации». Только «СЛЕДЫ» и только «НОСИЛИ». Все в абсолютно прошедшем времени...

— Можно войти?

Дверь плавно отъехала в сторону. На пороге рубки стоял Вольт. Нет, пожалуй, шестнадцать дать ему трудно, а вот четырнадцать — вполне. Невысокого роста, стройный, с хорошо развитой мускулатурой, — по разведенному порядку все члены экипажа три часа в день занимались специальной космической гимнастикой. Мальчик подошел к отцу.

— Помнишь, я тебе рассказывал о Марсе — соседе Земли?

— Прости, отец, ты рассказывал, что в этом районе встречаются густые метеорные потоки.

Между тем, мы не слышали пока ни одного сигнала от локаторов защиты... Не кажется тебе это странным?

Настроение было испорчено. Вместо радости прибытия он вдруг ощутил страх, как перед катастрофой.

Вольт продолжал:

— Кроме того, где загадочные спутники этой планеты? Ты о них тоже много говорил. Их должно быть два?.. Я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься...

Он еще раз сменил объектив. Теперь диск планеты занял снова весь экран и из-за его сверкающего края темным колобком выкатилось маленькое пятнышко.

— Если это Марс, то первым нас приветствует Деймос — его далекий спутник. По-древнегречески «Деймос» — «Ужас». А где же его брат, «Страх»?

— Отец, почему у спутников этой планеты такие странные названия?

— Видишь ли, римляне называли Марсом бога войны. А всякой войне обязательно сопутствуют страх и ужас...

Человек говорил задумчиво, не отрывая пристального взгляда от экрана. Мальчик внимательно смотрел на отца.

— А что такое «Бог», «Римляне» и «Война»?

Человек очнулся. Он взглянул на сына и ответил:

— Это старая и длинная история, Вольт. Как-нибудь я расскажу ее тебе. Но где же Фобос?..

Меняя объективы, он пытался рассмотреть красную планету. Второго спутника видно не было.

— Но ведь я не мог ошибиться. Это Марс?..

Некоторое время он внимательно разглядывал показания приборов, всматривался в изображение на экране. Потом выпрямился и торжественно сказал:

— Вот она, смотри!

Из левого угла экрана на смену красной планете выплыла небольшая голубая звездочка.

— Планета Земля?..

В вопросе Вольта проскользнули нотки заинтересованности. Отец кивнул головой. Он не мог говорить. Сколько миллиардов километров осталось за кормой его корабля. Он побывал в трех разных звездных системах... И вернулся.

Мальчик еще раз внимательно посмотрел на отца. Внимательно и удивленно. Может быть, чуточку более внимательно, чем обычно...

— Твоя родина?..

— Моя и твоя! Ты же человек — сын Земли!

Чуть заметно Вольт пожал плечами. Отец не заметил его жеста. Медленно тянулись бесконечные часы, пока голубая звездочка достигла центра экрана. И тогда, зажмурив на минуту глаза, человек включил большой телескоп.

А когда он открыл их снова, на холодном стекле экрана призрачным голубым светом мерцала странная планета, опоясанная широким светящимся кольцом.

Некоторое время он не верил глазам. Сатурновое кольцо? Этого не могло быть.

Человек вращал ручки верньеров, пытаясь рассмотреть контуры знакомых материков. Азия, Африка, Америка? Под пухлым облачным одеялом атмосферы плыли неотчетливые пятна.

Неужели ошибка?.. Не доверяя приборам, он сам вел прокладку обратного курса, вычислял поправки к программе...

Неужели он привел корабль в чужую звездную систему?..

Его напряженное лицо с крупными каплями пота на лбу отразилось в стекле экрана.

Кольцо? Откуда это кольцо?..

Нет, это была не Земля. Чужая планета чужой солнечной системы.

Шестьдесят часов работала электронная счетная машина, проверяя результаты его вычислений.

Шестьдесят часов человек не выходил из главной штурманской рубки.

Шестьдесят часов Вольт самостоятельно проводил программу торможения, снижая скорость.

«Кассиопея» заканчивала гигантскую спираль, приближаясь к ее центру, к странной голубой планете с круглым, как шайба, кольцом, перпендикулярным плоскости эклиптики.

И все-таки это была планета людей — Земля!

Та, с которой он стартовал тринадцать ракетных лет назад с экипажем из пяти человек и на которую возвращался один с десятилетним сыном.

Земля! Он понял это еще до того, как табулятор выбросил из своей пасти подтверждение — сводку результатов проверки, исписанную длинными столбцами цифр. Понял по волнению, которое испытывал, глядя на голубую планету, по слезам радости, которые не удавалось сдержать и которых он стыдился перед сыном. Понял тем шестым, десятым, черт возьми, чувством, чувством человека, тринадцать лет не видавшего родную планету и тринадцать лет сдерживавшего стремление переложить рули на обратный путь.

У Вольта не могло быть этого десятого чувства. Вольт родился в ракете, видел слишком много разных миров. И не видел одного — Земли. Впрочем, он сам сделал все, чтобы в душе мальчика не могла поселиться тоска по родной, но бесконечно далекой планете. Долгими сутками одиночества, когда только большие астрономические часы, включенные на Земле, говорили о том, что время не остановилось, человек начал рассказывать маленькому сыну сказки. В этих сказках не было принцев, не было добрых и злых волшебников. И все-таки они были прекрасны и поэтичны. В этих сказках жили крошечные, но могущественные частицы со звучными именами — гипероны и мезоны. Частицы дружили и враждовали друг с другом, живя в мире удивительных законов. А еще он рассказывал сказки про кометы и далекие звезды.

Сначала ему удавалось придумывать только самые простые истории, да и они давались, пожалуй, не очень легко. Первые сказки больше походили на запутанные до нелепости научно-популярные статьи. И все-таки мальчик слушал отца с широко раскрытыми глазами.

Постепенно истории становились сложнее, охватывая новые и новые области науки. Не раз бывало, что для ответа на вопросы мальчика человеку приходилось просматривать бесконечные фильмокопии, рыться в справочниках. Чтобы облегчить себе работу, он рано познакомил сына с основами высшей математики. И это дало совсем неожиданный результат. Математика, подкрепившая сказку неопровержимостью доказательств, навечно уложила полученные знания в кладовые памяти. А Вольт научился мыслить совершенно иными категориями. Вольт читал сложные математические выводы, как приключения. Он легко постигал те абстрактные образы, над которыми отцу приходилось напрягать мысль. Без видимого усилия усваивал сложнейшие понятия квантовой механики и теории относительности. Правда, за свои способности Вольт заплатил жизнерадостностью. Он редко радовался, еще реже улыбался и, пожалуй, совсем не умел смеяться.

Звякнул табулятор. На металлическую решетку упал бланк с цифрами. Ответ. Человек

протянул руку, взял плотную картонную карточку.

Ошибки в расчетах не было.

* * *

— Мы возвращаемся на Землю, Вольт, понимаешь?

Мальчик внимательно посмотрел на отца.

— Ты в этом убедился только сейчас?

— Да, конечно, вот результаты проверки, взгляни.

— А я был убежден, что ты знал об этом и раньше.

— Почему ты так думал?..

Вольт пожал плечами.

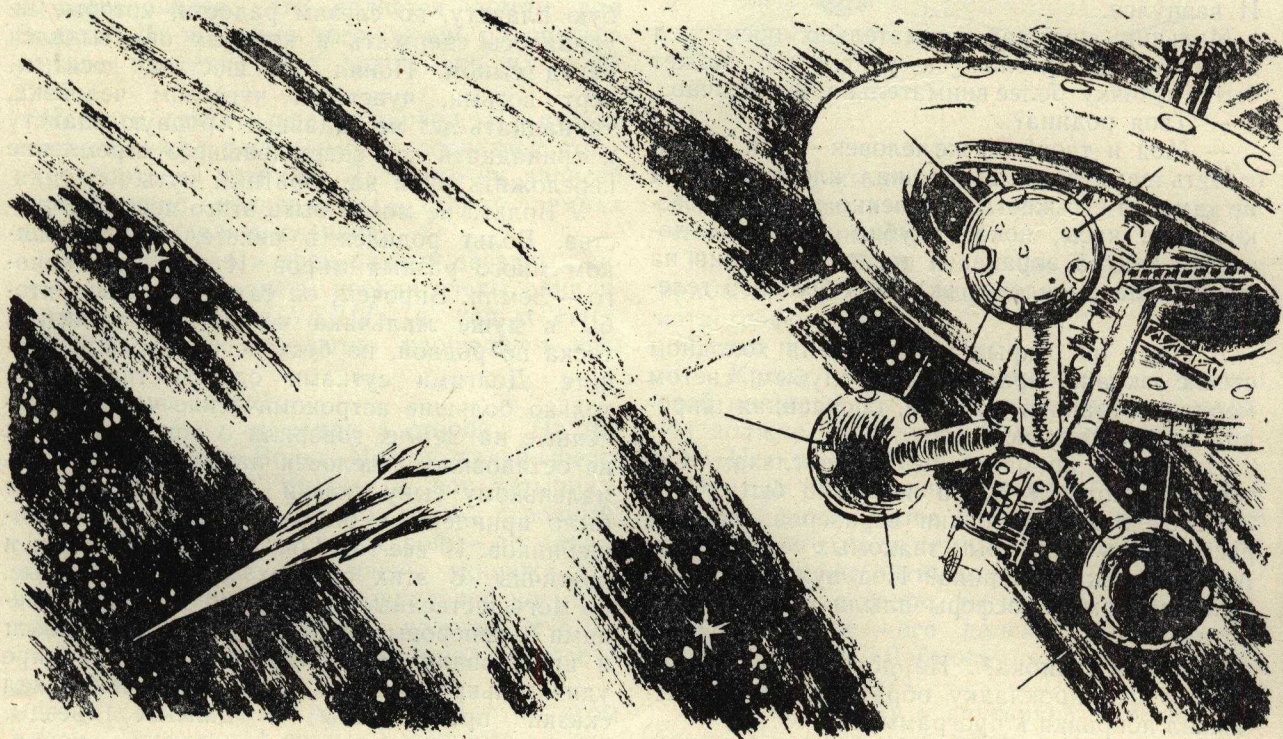
— Не знаю, мне так казалось. Мне казалось, что ты с самого начала был уверен в том, что эта планета, с которой вы стартовали...

— Это планета, на которой мы родились. Колыбель человечества.

— Я помню, ты мне рассказывал, что звезда Солнце имеет самую богатую биосферу. И что наиболее пригодна для существования органической жизни планета Земля.

Человеку стали неприятны слова сына, сказанные о Земле. О его Земле, родине, к которой он стремился все эти тяжелые годы.

— Подожди, дружок, а что ты знаешь о Земле вообще?

— Тебя интересуют ее астрономические данные?..

Они замолчали. Человек еще раз проверил скорость, показания контрольных приборов и, словно рассуждая вслух, произнес:

— Пожалуй, можно включать передатчик. Сигнал прибытия. Мы приближаемся к лунной орбите.

— Отец, а почему мы не включили передатчик вчера или десять суток назад? Мы могли бы получить пеленг.

— Нет, слишком велика была скорость «Кассиопеи», нас никто бы не понял. Понимаешь, по той же причине при полете на субсветовой скорости мы не могли пользоваться ни оптическими приборами, ни локаторами. Скорость радиоволн сравнима с нашей, и любая информация искажалась бы до неузнаваемости.

Он помолчал немного и добавил:

— А то, что за тринадцать лет нас не поткнул ни один метеорит, следует, пожалуй, отнести за счет твоей или моей счастливой судьбы.

Он разволновался и про себя отметил, что становится излишне словоохотливым. Но, не удержавшись, добавил:

— Будем считать, твоей...

И тут же пожалел о сказанном.

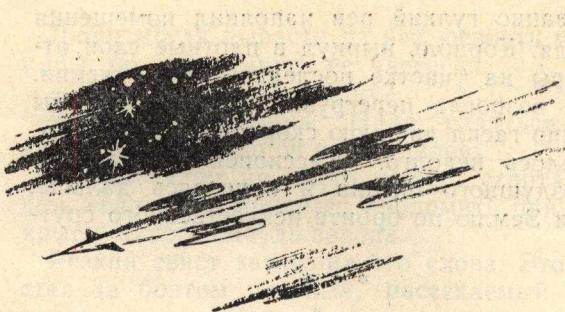
— А что такое «судьба»?..

Человек не ответил. Он включил передатчик. «ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯ!» — понесся из контрольного динамика знакомый до боли голос. И сразу вспомнилось, как готовилась эта запись...

Они праздновали Новый год. Первый год, проведенный на борту «Кассиопеи». Ровно в двенадцать Марта неожиданно включила магнитофон. Она приготовила эту передачу сюрпризом. И с тех пор на каждой встрече Нового года после музыки государственных гимнов стран, представители которых были на борту космического корабля, голос Марты повторял:

«ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯ! ГОВОРИТ «КАССИОПЕЯ», ПЕРВАЯ МЕЖЗВЕЗДНАЯ, СТАРТА ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОГО ГОДА. МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ. ПРОСИМ УКАЗАТЬ КАРАНТИННУЮ ОРБИТУ. ЭКИПАЖ КОРАБЛЯ...»

Дальше шло перечисление всех, стартовавших восемнадцатого августа. Это перечисление должно было явиться символом того, что они все вернутся обратно. Но прошел год, и им пришлось стереть с ленты имя Алексея. На его место добавилось, правда, имя Вольта,

но ушли Пакстон, Летруа. А сутки назад, когда ему стало совершенно ясно, что они возвращаются на Землю, человек стер имя Марты. Остался только ее голос.

Ему предстояло еще подготовить Вольта к приземлению, к встрече с людьми. И это была задача не из легких.

— Отец, долго мы будем в карантине?

— Думаю, что нет. Без скафандров мы ведь не выходили. А помещение, где мы их надеваем, слишком тщательно облучается, чтобы там осталось хоть что-нибудь живое. И все-таки меры предосторожности принять, конечно, нужно.

Вольт задумчиво перелистывал энциклопедию.

— Нас встретят люди?

— Надеюсь.

— Такие же, как мы? И много?..

Что он мог ответить сыну? За атомные тысячелетия могло произойти все, что угодно.

Может быть, гибель товарищей, а может быть, и посещение мертвых планет заставили его смотреть на будущее совсем не так оптимистично.

Но, заметив пытливый взгляд мальчика, человек заставил себя встряхнуться. Земля не должна была повторить ошибок других миров. Их встретят люди лучше, счастливее тех, кто снаряжал в экспедицию этот корабль, лучше него, лучше Марты, лучше всех погибших... У них может быть другой язык, другие взгляды и понятия...

— Нам придется снова, с самого начала изучить язык людей, перенять их обычаи.

— Зачем, отец? Разве мы не уйдем больше в пространство?

И на этот вопрос не мог он ответить. Как расскажешь тому, кто родился в тесном помещении космического корабля, о бесконечности усталости от полета?

— Не знаю, если нас отпустят.

— Кто может нас не отпустить?

— Люди!

Вольт снова пожал плечами. Этого он не понимал.

Внезапно гулкий рев наполнил помещения корабля. Корабль нырнул в плотные слои атмосферы на участке последнего торможения. Снова возросла перегрузка. Воздух планеты надежно гасил лишнюю скорость. Но это продолжалось недолго. «Кассиопея» вынырнула из воздушного океана и понеслась дальше, огибая Землю по орбите искусственного спутника.

* * *

Вторые сутки кружилась «Кассиопея» вокруг планеты. Вторые сутки в эфир непре-

рывно поступал запрос: «Земля, Земля! Говорит «Кассиопея»...

Планета не отвечала.

Между тем она была обитаема. На разной высоте экран показывал множество искусственных сооружений, выведенных за пределы атмосферы. Несколько раз докатор защиты включал двигатели, чтобы избежать столкновения. Немало хлопот доставило им и странное пылевое кольцо, перпендикулярное плоскости эклиптики. Отраженные им солнечные лучи так нагревали обшивку, что холодиль-

ные установки не справлялись со своими обязанностями.

И все-таки Земля не отвечала.

А что если на Земле не осталось людей? Одни машины... Что если Земля повторила судьбу тех мертвых планет? По раз заведенному порядку добывают машины сырье, строят новые автоматы, бессмысленно проделывают тысячи никому не нужных теперь действий.

Может быть, именно поэтому и не отвечает Земля?..

— Ступай готовить планер.

Голос его был сух и отрывист. Вольт вышел. Человек подождал, пока шаги сына стихнут, подошел к стене и открыл тяжелый люк грузового отсека.

В помещении вспыхнул свет. Спустившись по металлическим ступеням, он подошел к длинному, герметически закрытому контейнеру, покрытому изморозью. От металла тянуло холодом. Несколько минут человек стоял молча. Потом поднял голову.

— Мы почти дома, Марта. Вольт, я и ты...

Над дверью зажглась зеленая сигнальная лампа. Сын ждал его в кабине планера.

В носовой части корабля в специальных гнездах плотно сидел «планер приземления» — маленький реактивный самолет, приспособленный к полетам в условиях атмосферы. Оборудованный автономным управлением, планер не раз служил экипажу «Кассиопеи» для вылазок.

Последним на нем вылетал Летруа... Это было на четырнадцатой планете в странной системе двух зеленых солнц. Через два часа после его вылета у них оборвалась связь. А еще восемь часов спустя, переключенный на автоматический привод, планер вернулся...

В нем были пробы воздуха из атмосферы планеты, образцы почв и... записка от Летруа. Он просил не искать его, писал об усталости, о том, что больше он не может...

Марта спрятала записку в своих вещах. И лишь совсем недавно он нашел ее там. Нашел и приложил к бортовому журналу. Хотя и не был уверен в необходимости этого шага.

— Мы возьмем большой контейнер с собой, слышишь?

— Слышу, только зачем?

— Так надо!

— Хорошо.

Двадцать минут спустя «планер приземления» покинул борт «Кассиопеи», впервые унося на себе весь ее экипаж.

* * *

Нет, он не хотел верить тому, что на Земле не осталось людей. Пока планер пробивал облачность, человек сидел в кресле, откинувшись, почти отвернувшись от иллюминаторов.

Но вот до поверхности осталось десять тысяч метров. Теперь он весь превратился во внимание.

Нет, люди не смогли изменить лицо планеты до неузнаваемости. Пусть они окружили ее сверкающей короной. Пусть в океанах поднялись новые континенты, а старые раздробились созданными морями и реками. Но это была его планета, его Земля — колыбель человечества.

Люди могли вырасти из нее, освоить новые миры, но не покинуть ее навсегда.

— Ты выбрал площадку?

Человек вздрогнул. Надо садиться. Но куда? Неожиданно он рассердился:

— Мы сядем на место нашего старта. Сядем, если даже придется проломить при этом крышу какого-нибудь завода.

Резкий свист заглушил его слова. Это свистел за бортом плотный, рассекаемый планером воздух. Первый звук, которым встретила планета возвращающихся.

— Приготовься!

Сжав зубы, человек с усилием отжал ручку от себя. Ключнув носом, планер круто пошел на посадку.

Земля!

* * *

Ему не пришлось ломать крыши. Повсюду, куда хватал глаз, простиралось ровное зеленое поле.

Они сидели в кабине, ожидая, когда автомат уравнивает давление внутри планера с атмосферным. Человек оглянулся на сына. Широко раскрытые глаза мальчика были устремлены вдаль. В них отражалось небо с редкими звездами и край большого сверкающего кольца. Свет от него был настолько ярок, что хотя часы показывали час ночи — самое темное время суток, небо было синим и возле иллюминатора можно было читать, не напрягая зрение. И вдруг человек вспомнил: именно тогда, незадолго перед их стартом, в печати обсуждался чей-то фантастический проект создания вокруг Земли пылевого кольца — ловушки для солнечных лучей. Свет, а следовательно и тепло за счет отражения от кольца, по расчетам автора, должен был коренным образом изменить климат планеты, растопить арктические льды...

Человек посмотрел вниз. Черная жирная колея лоснилась на яркой траве.

А ведь здесь была тундра... Ему впервые отчетливо вспомнился день отлета, серый туман над бетонированным полем ракетодома, провожающие, уставшие от ожидания члены экипажа...

Вольт сдвинул колпак и первым прыгнул на землю. Не удержавшись на ногах, он упал лицом в траву. Хотел подняться, вскочить. Но мягкие зеленые стрелки ласково забрались в ноздри и уши, зашекотали, вызывая странное, незнакомое мальчику чувство.

Следовало встать. В растительном покрове планет гнездятся тысячи опасностей. Но вместо этого, он еще плотнее прижимается к земле, загребает руками, точно пытаясь обнять

эту странную голубую планету... Одну из многих и такую не похожую на другие.

Еще сидя в кабине, человек услышал судорожный кашель. Он повернул голову и увидел сына. Вольт смеялся, смеялся неумело, захлебываясь, набрав полные руки терпко пахнущей обыкновенной земной травы. Смеялся, сидя на «опасном растительном покрове планеты»...

* * *

Да, здесь право первооткрывателя с самого начала принадлежало Вольту. Он протянул руку и тихо произнес:

— Смотри, папа...

Впереди на невысоком холме темноло сооружение. Они подошли ближе и остановились.

Внутри большого прозрачного куба, на оплавленном куске метеорита, взявшись за руки, стояли пять фигур. Четверо мужчин и одна женщина. Пятеро в одинаковых легких комбинезонах. Женщина стояла в центре группы. Откинув голову назад, она крепко прижалась к плечу высокого человека, устремившего взгляд в небо.

Вольт поднял глаза, чтобы спросить отца, что означает эта группа, но промолчал. Он все понял без слов. Отец стоял неподвижно, глядя куда-то вдаль, и из его глаз текли слезы. Впервые он не стремился скрыть их перед сыном.

Сколько они так стояли?.. Если бы кто-нибудь сказал им, что они стояли молча, оба удивились бы. Разве они молчали? Нет, пожалуй, впервые за все эти годы они вели самый откровенный и нужный им обоим разговор...

Оба не слыхали приближения странного аппарата, напоминающего формой старомодный дирижабль без гондолы.

Человек обнял сына за плечи и привлек к себе. Сердце его часто билось. Он понимал, что сейчас произойдет то, чего он так ждал и так боялся последние годы одиночества, — встреча с людьми, с землянами.

Часть белой обшивки откинулась, открывая вход в аппарат, и по ступенькам трапа на землю сбежал высокий темноволосый человек в светлом комбинезоне... Обыкновенный человек... Широко улыбаясь смуглым скуластым лицом, землянин смело подошел к пришельцам и, протянув обе руки вперед, молча остановился. Он ждал, что заговорят прилетевшие.

И это нужно было сделать, несмотря на застрявший в горле комок. Сколько раз представлял он себе эту встречу, сколько слов, хороших и важных, придумывал он. А сейчас шагнул вперед и сказал просто:

— Здравствуйте, мы — из первой межзвездной. Старт — август тысяча девятьсот семьдесят второго года. Какое сегодня число?..

В глазах землянина отразилось неподдельное изумление. И, пока человек повторял ту же фразу по-немецки и по-английски, землянин несколько раз перевел глаза на памятник, возле которого они стояли, и обратно.

— Я счастлив, — наконец произнес он, — счастлив, что именно мне поручили встретить вас в карантинном районе. Встретить и передать, что Земля приветствует вернувшихся.

Теплая волна радости залила человека. Землянин говорил чисто на его родном, русском языке.

Тот продолжал:

— Здравствуйте, все! — Он на мгновение бросил взгляд в сторону приземлившегося планера.

Человек опустил голову.

— Мы все... здесь...

Скорбная складка прорезала лоб незнакомца. Он положил руки на плечи человека и некоторое время помолчал.

— По прежним законам, — нерешительно произнес человек, — мы должны были несколько недель находиться в карантине...

Землянин улыбнулся.

— Район приземления весь объявлен карантинным. Десять дней вы не сможете покинуть его.

— Но мы двое суток запрашивали по радио о карантинной орбите. И, только не получив ответа, приземлились. Почему не отвечала Земля?

— Станции внешней связи никак не могли связаться с вашим кораблем. По-видимому, слишком отличаются наши системы связи. Поэтому что первую информацию о вас мы получили сразу же после пересечения вами пограничной зоны солнечной системы... Но, — он спохватился, — мы поговорим обо всем подробно, когда вы отдохнете. — И незаметно показал рукой в сторону Вольта. Мальчик едва держался на ногах.

— Хорошо, но у меня есть еще дела здесь на час, полтора.

— Вам нужна помощь?

— Нет!

Может быть, отказ прозвучал слишком резко, потому что землянин удивленно взглянул на него, но потом повернулся, подхватил на руки Вольта и понес его в свой аппарат.

Человек вернулся в планер. Он прямо подошел к длинному металлическому контейнеру, занявшему все свободное место в тесной кабине.

Несколько накидных гаек — и стальная плита, закрывавшая верхнюю часть контейнера, соскользнула вниз.

Лучи солнца, поднявшегося над горизонтом, пробились сквозь иллюминатор и зажгли блики на матовой поверхности металла. В контейнере, в герметическом пластмассовом футляре, лишенном воздуха, лежало скованное морозом тело его жены.

Там, в пространстве, четыре года назад он поклялся, что похоронит ее на родной планете.

На минуту он закрыл глаза, точно стремясь закрепить ее образ в памяти. И в эту минуту на его плечо легла рука.

Человек резко обернулся.

— Ее нужно взять с собой, — голос землянина звучал тихо, но настойчиво. Человек вздрогнул. Он вез ее, чтобы похоронить, а не отдать для лабораторных исследований.

— Нет! Она останется здесь. Я похороню ее возле памятника. Сам...

Брови землянина сдвинулись. Он подошел ближе и долго рассматривал окаменевшее лицо, поднося к нему какой-то прибор.

— По нашим законам вопрос о передаче земле не может быть решен одним человеком.

— Но она заслужила это право. Она умерла четыре года назад.

Землянин посмотрел на человека удивленно, потом, совсем, как Вольт, пожал плечами...

— Это ничего не значит...

Горячая волна гнева захлестнула человека. Он шагнул вперед и встал между пришельцем и контейнером. Так, значит здесь они просто интересный ископаемый материал, не больше. А чувства людей той далекой древности, какой в понимании этого землянина является двадцатый век, теперь просто чужды... Он заговорил с горечью.

— Ничего не значит? А что же «значит», что имеет значение по вашим, новым законам?..

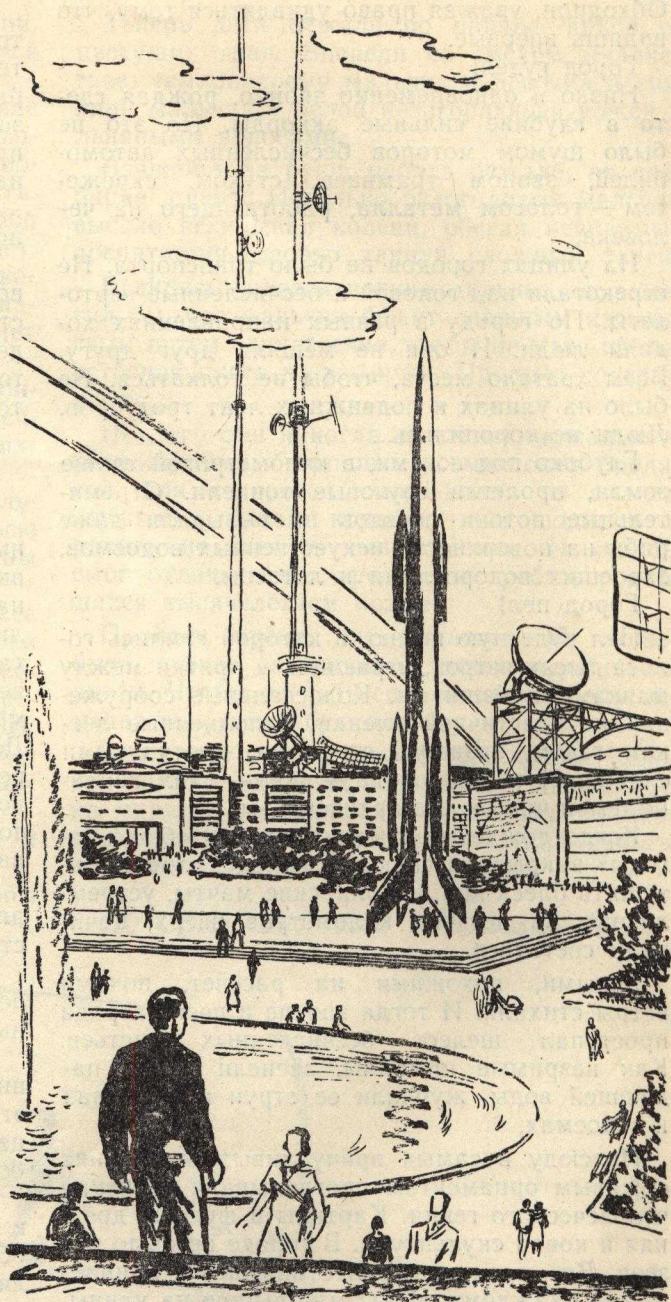
Темные глаза землянина вспыхнули.

— Человек! — на мгновение у него дрогнул голос — И каждый имеет право на жизнь. Поэтому прежде всего надо попытаться вернуть ей потерянное.

* * *

Город шумел!

Нет, «шумел» — это, пожалуй, не то слово. Город ликовал!

Люди, встречая их, улыбались. Хотя никто из прохожих не оборачивался, чтобы посмотреть им вслед, никто не останавливался, не упирался любопытным взглядом. И от этого еще сильнее было ощущение, что город просто наполнен хорошими знакомыми.

Когда они неожиданно застывали в изумлении посреди странных улиц, улиц без тротуаров, улиц от берега до берега залитых разноцветной пластмассой, их обходили.

Обходили, уважая право удивляться тому, что видишь впервые.

Город гудел!

Низко и одновременно звонко, рождая где-то в глубине сильные аккорды. Но это не было шумом моторов бесчисленных автомобилей, звоном трамваев, стуком, скрежетом — голосом металла, работающего на человека.

На улицах городов не было транспорта. Не стрекотали над головой и бесчисленные вертолеты. По городу в разных направлениях ходили люди. И они не мешали друг другу. Всем хватало места, чтобы не толкаться. Не было на улицах и подвижных лент тротуаров. Люди не торопились...

Глубоко под ногами, в километровой толще земли, пролегли грузовые тоннели. Стремительные потоки поездов не вызывали даже ряби на поверхности искусственных водоемов, заросших водорослями и лотосом.

Город пел!

Пел чудесную песню, в которой слились голоса тысяч ветров, играющих в прятки между маяками и башнями. Колоссальные сооружения из эластичной пленки, наполненные легким газом, казались струнами, протянутыми с неба. И голос города — звук — стал неотъемлемой частью его архитектуры.

Когда дождевые тучи по сигналу «бюро погоды» закрывали сияющее кольцо, чтобы приглушить блеск дня, исполинские мачты, устремленные на десятки километров вверх, начинали светиться...

Белыми, похожими на рассвет, ночами ветры стихали. И тогда звонче в песне города проступал шелест бесчисленных листьев. Как незримые цимбалы, звенели капли падающей воды, журчали ее струи в фонтанах и водоемах.

Повсюду в самых причудливых сочетаниях с живым орнаментом проглядывали творения человеческого гения. Картины и фрески, древняя и новая скульптура. В городе не было музеев. Все, заслуживающее внимания, принадлежало каждому. Искусство вышло на улицы, украсило собой стены и арки, мостовые и площади.

Далеко в прошлое ушло то время, когда из городов люди убрали последние автоматические заводы и машиностроительные комбинаты, а учреждения бытового обслуживания опустили под землю.

Настало время, когда весь город стал большим общим домом. Как и во все века, люди любили свой дом, любили, заботились и украшали его.

Вокруг города шла незримая кольцевая трасса. Каждое утро начиналось со стремительного полета бесшумных воздушных кораблей-гравитопланов. Их двигатели использовали энергию гравитационного поля — поля притяжения. Энергию, о которой люди только начинали мечтать во времена их старта.

Новый вид энергии пришел на смену атомному веку.

Атом отступил, отступил, открыв дорогу новой силе. Точно так же, как в свое время отступили пар и электричество. Так же, как придет время и гравитону сдать свои позиции тому, что сейчас только рождалось в лабораториях и институтах.

И только человек был вечен.

* * *

Солнце заливало террасу, прикрытую двойным слоем кварцевого стекла. Люди забыли включить штору, и воздух в помещении был накален и неподвижен. Лучи солнца дробились и падали на пол сложным узором из света и тени. Перед террасой стояло дерево, его ветви кудрявились листвой прямо над письменным столом. По полу ползла гусеница. Длинные шерстинки на ее теле вспыхивали, попадая в световую прогалинку, и снова гасли до черноты в островках тени. Гусеница подползла к препятствию и стала подниматься вверх. Выше... Выше...

Человек засмеялся, снял ее с ноги и посадил на зеленый лист. Цель ее пути была достигнута.

Человек писал. Стол перед ним был завален листами бумаги, снимками, многочисленными томами бортового журнала.

Приходилось вспоминать. Вписывать в дневники все то, чего он так тщательно избегал эти тринадцать лет и что оказалось самым ценным из всех материалов, привезенных с собой.

Об этом ему сказали люди, встретившие его в Восточном Дворце Космонавтов. Люди в ослепительно белых комбинезонах, с темными лицами и руками, обожженными светом других солнц.

В тот день на фасаде Восточного Дворца вспыхнуло яркими огнями его имя. И на всех языках планеты дикторы общей связи повторили это имя в сочетании со словом: «СЛАВА».

Он тоже получил право носить белый комбинезон. Это означало, что планета гордится им.

Окружающие сделали все, чтобы помочь прилетевшим ориентироваться в новом мире. А это было нелегко. Так много стало во-

круг нового, необычного, что, останься один, он неизбежно растерялся бы, замкнулся в прошлом.

Люди Земли приняли его. Приняли как космонавта, как героя. Но, чтобы почувствовать себя равноправным членом нового общества, он должен был многое вспомнить. Вспомнить и честно рассказать людям обо всем, что случилось за эти тринадцать лет. Отдать на их суд свои ошибки, поступки, в которых он сомневался. Только тогда с сознанием выполненного долга он по праву наденет белый комбинезон.

Человек взглянул на часы. Пора было собираться. Сегодня торжественный день, последний раз они с Вольтом едут в Институт Жизни. Едут, чтобы вернуться оттуда втроем.

Он вошел в комнату и остановился у большого стереоэкрана, занимающего почти всю стену. Короткое нажатие руки, и из глубины стекла проступило изображение.

Берег широкой, полноводной реки. Здесь только что прошел дождь, и большие лужи отражали голубое, безоблачное небо. На песчаной дорожке детского городка играли ребята. Вот один из них, стройный белоголовый мальчик с темными очками на глазах, разбежавшись, шлепнул босой ногой по луже. Брызги разлетелись в стороны, и дети засмеялись. Они подбежали к белоголовому мальчику и схватили его за руки.

Человек повернул ручку прибора, чтобы приблизить изображение.

Теперь дети бежали по поляне, яркой от цветущих трав. Впереди со смехом мчались трое: темноволосые мальчик и девочка и еще один мальчик с белой незагорающей кожей и льняными волосами.

Взявшись за руки, ребята бежали, не разбирая дороги. И только белоголовый мальчик высоко вскидывал колени, обегая невидимые препятствия, словно танцуя сложный танец.

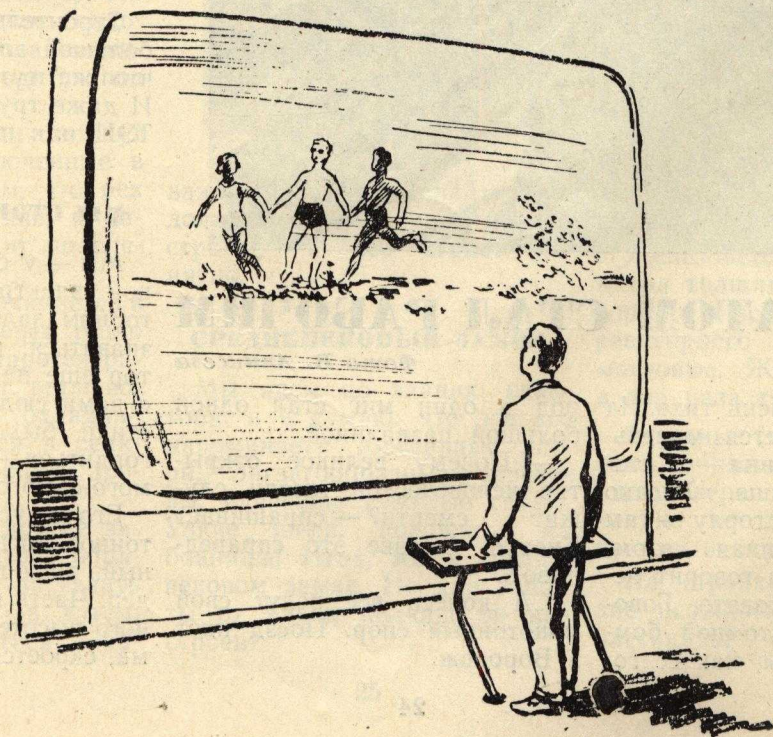
Вглядись человек повнимательнее, он заметил бы, что мальчик бежит сложным извилистым путем единственно, чтобы не мять цветы, встречающиеся на его пути. Простые полевые цветы...

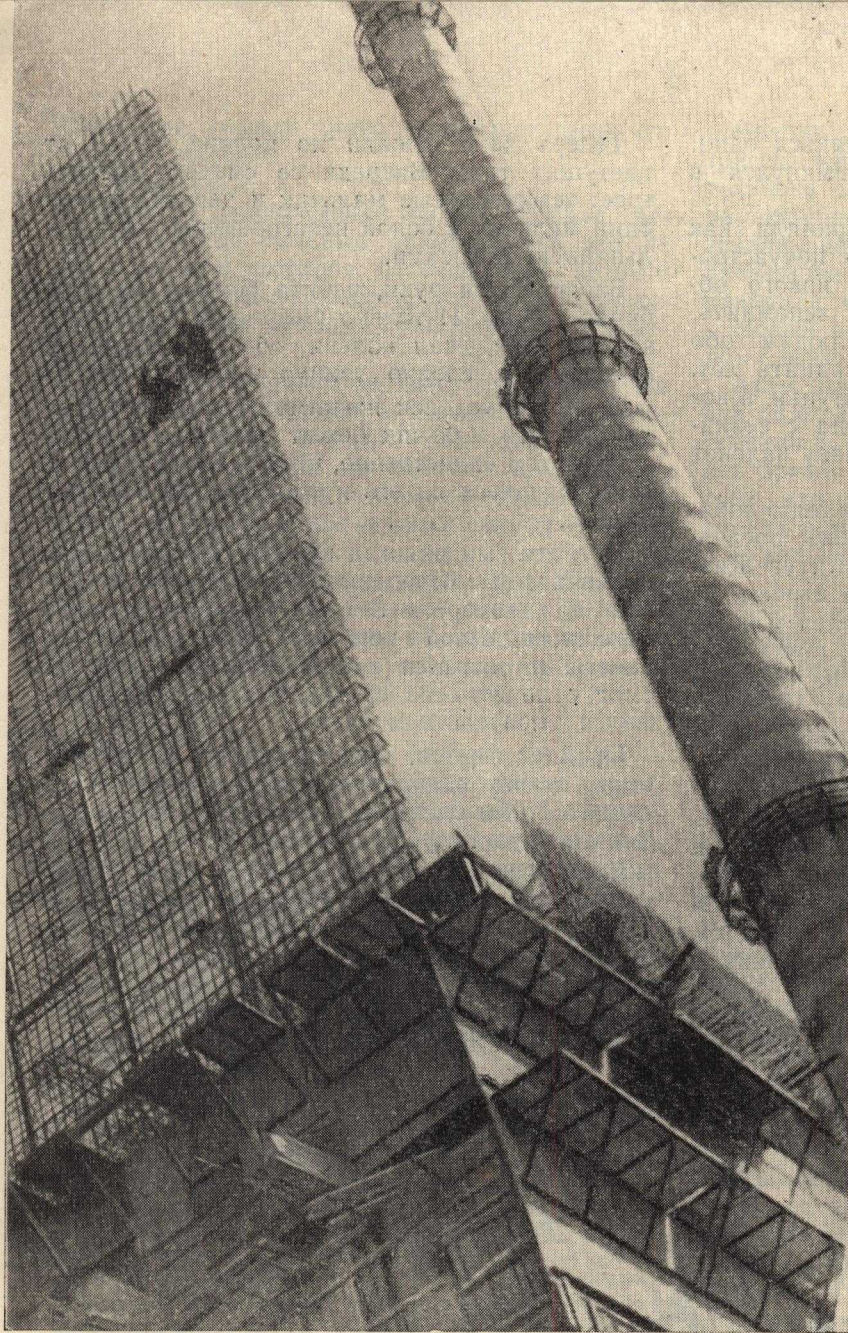
Нет, его сын никогда не станет «идеальным космонавтом», безродным космическим бродягой, для которого Земля — одна из планет, служащих базой кораблю. Он родился в ракете, но остался сыном Земли. И кто бы смог отличить его среди этих ребят, родившихся тысячелетием позже.

Пройдет время, он вырастет. И, может быть, станет садовником, чтобы выращивать цветы. Чтобы сделать еще прекраснее эту замечательную голубую планету.

Было уже совсем-совсем пора ехать. Человек погасил экран и, вернувшись на веранду, на минутку задержался у стола. Он перевернул страницу и в знак продолжения работы написал:

«22 СЕНТЯБРЯ 3384 ГОДА. ЗЕМЛЯ...»

В ГЛУБИНЕ РОССИИ

Четыре года назад, как раз в то лето Московского фестиваля, когда я слушала и видела Хисако Нагата, на берегу Дона, недалеко от Воронежа, был заложен первый камень атомной электростанции.

Почему станцию решили построить именно здесь? У инженеров и ученых есть на это точный ответ. А воронежцы находят свое объяснение:

— Наш город — один из старейших. Видели памятник: Петр стоит, опираясь на якорь? Во времена Петра не где-нибудь, а на Дону был создан первый русский флот. Наш город — не какой-то городишко без истории. Так что атомную должны строить именно у нас!

...Вот она! За зеленым кольцом сосняка открывается строительная панорама. Высятся корпуса. Прямо в небо упирается высоченная труба. Глубокие траншеи, огромные котлованы, сеть трубопроводов. По-журавлиному тянут вверх шеи подъемные краны.

Строительная площадка большой электростанции. Но... что же тут необыкновенного? И даже труба — как на любой ТЭЦ или на заводе!

МЫ СТОИМ У РЕАКТОРА

Мы — у самого сердца атомной электростанции, в реакторном зале. Не хочется признаваться, но придется: реактор еще не собран. Иначе нас с вами сюда просто не пропустили бы... А сейчас можно гордиться — мы стоим у самого-самого реактора.

Его опустят на мощное бетонное основание, в огромный, зияющий чернотой колодец. Часть котла-реактора, равного высоте многоэтажного дома, скроется под землей.

ЧТОБЫ АТОМ СТАЛ РАБОЧИМ

Р. Копылова

Фото В. Аникеева

В зале очень-очень тихо. На трибуну поднимается маленькая, хрупкая японка — и становится еще тише. Хисако подносит руку к горлу — там притаилась страшная «атомная болезнь». Она говорит негромко, чуть глуховато. Говорит об ужасах атомной бомбардировки, о том, как ее го-

род в один миг стал одной большой развалиной.

— Почему великое открытие человеческой мысли служит смерти? — спрашивает Хисако. — Разве это справедливо?..

...А колеса все ведут свой монотонный спор. Поезд идет в Воронеж.

Крыша реактора будет вон там, где сейчас, закрыв лицо защитной маской с темным стеклом, работает электросварщик.

Здесь все таинственно и необыкновенно красиво: лиловые отблески нержавеющей стали; причудливое «вечное» кружево арматуры; голубое пламя и огненные брызги сварки.

Придет время — реактор соберут, наполнят урановыми стержнями, и запольхает в нем цепная реакция, заработает станция...

РЕКИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ТРУБЫ

Когда смотришь на схему Нововоронежской АЭС, сначала, кажется, ни за что не разобраться в хитросплетении труб; потом начинаешь кое-что понимать и вот, наконец, тебе остается лишь удивляться, как просто все придумали проектировщики.

Атомная электростанция похожа на обычную, тепловую. Только вместо топки у нее — ядерный реактор. Тепло, рождающееся при цепной реакции, уносит вода. Несмотря на то, что в реакторе очень высокая температура, вода не кипит, потому что находится под большим давлением.

На электростанции потекут целые реки, заключенные в трубы. Секрет в том, что рек не много, а всего две, и каждая из них побежит по руслу — кольцу.

Первое кольцо начинается в реакторе. Вода заберет тепло и понесет его в парогенератор. Там она отдаст тепло воде второй реки и, охладившись, снова вернется в реактор, чтобы опять и опять проделывать тот же путь...

А у второй реки другие задачи. Ее воде предстоит обратиться в пар, чтобы заставить работать турбины, а затем, охладившись, вернуться в па-

рогенератор, чтобы потом... и так далее, и так далее.

Рекам, заключенным в трубы, помогает третья — Дон. Громадные массы донской воды потребуются для охлаждения «второго кольца».

Два потока-кольца нигде не прерываются, воды их нигде не смешиваются. Это очень

...Мы незаметно так подружились с атомом-«работягой», что забыли: кроме невидимого друга, существует и «микровраг». Во время работы в реакторе образуется много вредных лучей.

Но станция строится так, что опасность будет сведена к нулю.

важно. Почему? Давайте продолжим наше путешествие по стройке — и все станет понятно.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗАМОК

Мы идем по зданию реактора, и я думаю: что все это напоминает? Массивные двери. Зигзагообразные переходы, нависшие тяжелые своды. Узкие щели, похожие... на бойницы! Итак, мы в средневековом замке. Но для защиты от каких полчищ он выстроен?

Вредные излучения «застревают» в железобетоне.

Железобетонные стены в три метра толщиной укроют реактор. Да и все остальные стены реакторного зала полуметровые. Железобетон здесь в два раза тяжелее обычного.

Бетонные стены усеяны какими-то пятнышками. Это следы проверки ультразвуком: в кладке не должно быть ни пустот, ни трещин.

На стройке поражает обилие нержавеющей стали; поблескивает облицовка стен,

сталью огливают обтекаемое китообразное тело парогенератора; а вот сварщик соединяет четкой линией шва стальные для — обновления воздуха.

В атомных котлах могут быть использованы уран и торий. Их разведанные мировые запасы в десятки раз превосходят по количеству содержащейся в них энергии запасы каменного угля и нефти.

листы, устилающие дно огромного резервуара... Дело в том, что «нержавейка» с честью выдерживает злой натиск радиоактивного излучения.

Мощность первой в мире атомной электростанции под Москвой 5 тыс. квт. Мощность первой очереди Воронежской атомной 210 тыс. квт. В дальнейшем она удвоится.

Помните — воды двух рек, заключенных в трубы, нигде не смешиваются. И это тоже сделано для обороны от «мироврага». Ведь носитель теп-

1,3 грамма урана способны выделить столько энергии, сколько дают при сгорании 10 тонн угля.

ла — вода первого кольца, побывав в реакторе, «заражается», становится опасной для людей и для металла. Строители позаботились о

Годовой запас „топлива“ — урана, необходимый для работы Нововоронежской АЭС, можно доставить на одном самолете.

том, чтобы трубы первого кольца были особенно стойкими. Ни одна капля радиоактивной воды не просочится, ни одна капля ее не попадет в Дон.

Для охлаждения отработанного пара через конденсаторы Нововоронежской АЭС будет проходить 56 тыс. кубических метров воды в час. Это треть всей донской воды!

Так «огорчившая» нас вначале гигантская труба, придающая стройке обычный вид,

отличается от всех своих сестер тем, что из нее никогда не пойдет дым. Она нужна для — обновления воздуха.

Включат вентиляторы — и воздушные потоки, «прихватив» с собой вредные частицы, устремятся по трубе наружу, чтобы рассеяться бесследно в верхних слоях атмосферы.

ЦАРСТВО СПОКОЙСТВИЯ

Сейчас Нововоронежская АЭС встречает обычным строительным шумом — скрежетом крабов, гулом автомашин, лязгом металла. Но уйдет последний строитель — и она превратится в царство тишины и спокойствия.

Давайте представим себе то, чего пока еще нельзя увидеть на станции.

...Где-то за толстыми стенами, под защитным слоем воды, в реакторе нейтроны — «молоточки» раскалывают ядра урана. Бурлит цепная реакция. А здесь, в тихой комнате, у пульта сидит человек.

...Нужно заменить в атомном котле часть урановых стержней. Нажим кнопки — и начинает действовать подъемник. «Механические руки» поднимают крышку реактора. Другие «руки» — манипуляторы вынимают один за другим отработанные стержни и заменяют их новыми.

Ошибка не произойдет: обо всем, что делают «руки», оператору расскажут «глаза» и «уши» — сложные контрольные приборы. Механические помощники удивительно точны и исполнительны: например, подъемник может остановиться по приказу опе-

ратора в любой заданной точке.

Атом дружит с автоматикой: это она сделает атомную электростанцию царством спокойствия.

ЗАЧЕМ СТРОЯТ АТОМНУЮ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ?

Станный вопрос! Строят, чтобы получить ток.

Верно. Чтобы получить ток для заводов и фабрик, для колхозов и строек.

Но ведь можно было построить обычную ТЭЦ или гидроэлектростанцию. Почему все-таки на берегу Дона будет работать атомная? Ведь пока «атомная» электроэнергия обходится дороже всякой другой.

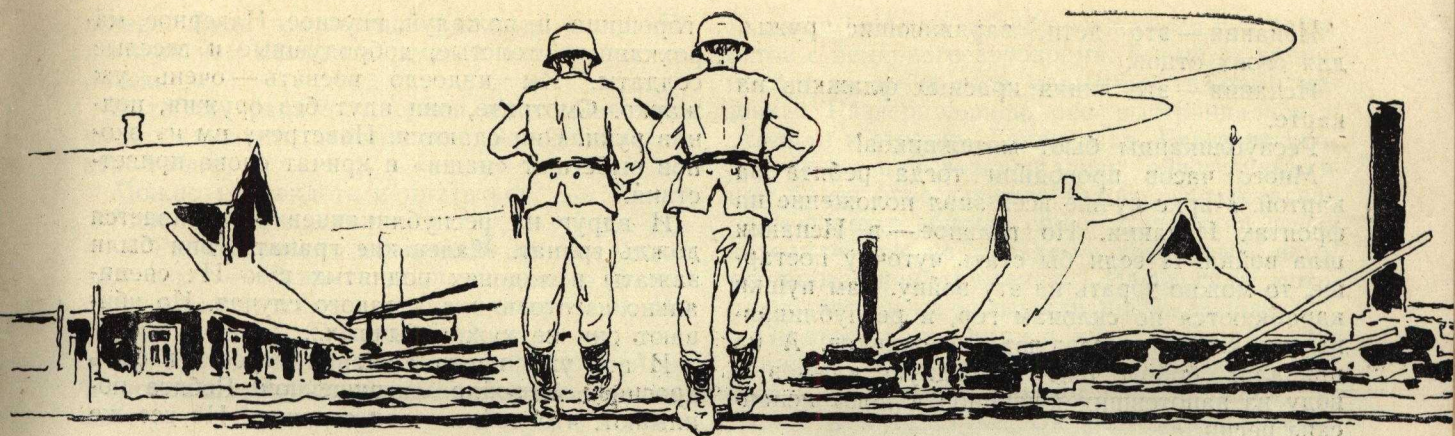
Пройдет время — и атомная энергия станет самой дешевой. И всюду, там, где раньше сжигались миллионы тонн угля и десятки тысяч тонн нефти, будут тихо, бесшумно и бездымно работать атомные реакторы, потребляющие всего лишь килограммы сырья. А пока каждая новая электростанция — это форпост науки и техники. Будущее принадлежит атому, и уже теперь нужно прокладывать к нему пути.

Есть еще один ответ.

— Разве справедливо, что энергия раскрепощенного атома служит разрушению? — спрашивала японская девушка Хисака.

Нет, несправедливо! Что же делать? Есть люди, напуганные атомной бомбой, которые говорят: «Напрасно ученые открыли ядерную энергию». Они готовы проклинать науку.

А мы с ними не согласны. Мы говорим: пусть полыхает новый прометеев огонь в топках атомного ледокола и в котлах атомных электростанций. Наша страна открыла на земле век мирного атома. Мы окончательно «приручим» атом, чтобы он стал нашим товарищем — рабочим.

Юрий Томин

Рисунки В. Бескаравайного

МАЛЬЧИКИ

Пионерам Коле Рыжову, Марксу Кротову, Альберту Купше — мальчикам, борвшимся до конца

Сквозь деревню шли танки.

Иногда они проносились с ревом и грохотом. Тогда дома вздрагивали и приседали, будто в испуге. Иногда танки двигались медленно. Их гусеницы неторопливо, как бы с наслаждением, разжевывали осеннюю влажную землю. Лужи были бурыми от грязи. И солнце в них тоже было бурым.

Иногда танки останавливались.

Тогда можно было увидеть танкистов. Они вылезали, разгоряченные, бежали к колодцу и, весело пофыркивая, умывались холодной водой и даже смеялись.

Еще проезжали через деревню грузовики, в которых на скамейках правильными рядами сидели люди — одного роста, одного цвета, негнувшиеся, как оловянные солдатики. На поворотах эти люди согласно покачивались в одну сторону, а если грузовик притормаживал, так же согласно кланялись и распрямлялись; они казались неживыми и, когда обнаруживалось, что они умеют разговаривать и даже петь, — становилось страшно.

Вначале было не страшно, а только непонятно. Даже когда немцы появились на околице, все еще не верилось, что это — немцы. Когда забелели на столбах и на стенах домов приказы, грозившие расстрелом за провинности большие и малые, то не верилось, что будут расстреливать. На все нужно время. И на то, чтобы понять, что ты уже не хозяин в сво-

ем доме, — тоже нужно время. А понять было очень трудно.

В один из первых дней оккупации Коля и Маркс, стоя у окна, увидели немецкий патруль. Двое солдат неторопливо шли серединой улицы. Они шагали в ногу, глядя прямо перед собой, положив ладони на автоматы, висящие на шеях. Они шли, как окаменелые. И было непонятно, для чего они такие негнувшиеся и жесткие. Может, для самих себя — чтобы им было легко и не совестно убивать?

Солдаты шли по улице. Ребята смотрели. Вдруг Маркс сказал:

— А в Испании тоже они воевали?

Коля недоуменно взглянул на друга. «Немцы на улице, у твоего дома, а ты думаешь об Испании», — вот что нужно было ответить Марксу. Но вдруг с удивлением Коля подумал, что и для него почему-то важно знать: эти или другие воевали в Испании?

* * *

Испания, Испания! Голубое небо, голубые горы... И названия звучные, они хрустят, как рафинад на зубах: «Гвадалахара», «Сьерра-Морена». В зеленых долинах, у рек, сверкающих солнцем, идут бои — республиканцы бьют мятежников.

Испания красива и разноцветна, как географическая карта.

Испания — это оранжевые апельсины.

Испания — это дети, заряжающие ружья для своих отцов.

Испания — это линия красных флажков на карте.

Республиканцы бьют мятежников!

Много часов проводили тогда ребята за картой. Маркс лучше всех знал положение на фронтах Испании. Но главное — в Испании шла война. И если бы стать чуточку постарше, то можно удрать на эту войну. Там пушки карабкаются по склонам гор, и республиканцы на конях преследуют мятежников. А на привалах бойцы пьют холодную ключевую воду из запотевших кувшинов и поют испанские песни.

Ребята ненавидели мятежников и играли в республиканцев. Они играли, и сама война, хотели они того или не хотели, казалась им игрушечной.

Давно уже стихли шаги немецкого патруля. Ребята стояли у окна. Они вспоминали Испанию — каждый про себя. Это было неправильно. Но они ничего не могли поделать — это вспоминалось само по себе. Когда пришел Алик, Коля сказал, кивнув головой в сторону Маркса:

— Он говорит, что фашисты, которые здесь, тоже в Испании были.

И Алик, как ни странно, не удивился и спросил:

— Думаешь — правда?

И опять Коля должен был бы сказать Алику: «Как же так? Ведь фашисты здесь, в нашей деревне... Они могут убить тебя или меня. Они могут убить, кого захотят. У них есть право убить тебя. Почему для тебя важно знать, были они в Испании или нет? Разве это — главное сейчас?» Но Коля ничего не сказал Алику. Ему так же, как и остальным, было трудно, невероятно трудно поверить в то, что вот сейчас под окнами прошли два фашиста. Это было неправильно и непонятно. Так же непонятно было и в Испании...

Республиканцы бьют мятежников?

Но линия фронта, извиваясь, медленно подползает к Мадриду. Зеленые долины перепаханы итальянскими танками. В голубом небе — немецкие самолеты. Да и всегда ли голубое небо в Испании? Вот снимки в газетах: черное от дыма небо Мадрида; горят после бомбежки дома; убитые дети лежат прямо на мостовой, рядом — женщина. Она лежит, сжав кулаки, она проклиная и после смерти.

А вот, подняв руки, приближается к «нашим» полк марокканцев. Какое симпатичное слово — марокканец! Это что-то круглое, как

горошина, и, пожалуй, вкусное. Наверное, марокканцы — толстые, добродушные и веселые солдаты. Им надоело воевать — очень уж жарко. Смотрите, они идут без оружия, подняв руки. Они сдаются. Навстречу им из окопов выбегают «наши» и кричат слова приветствия.

И вдруг на республиканцев обрушивается дождь гранат. Маленькие гранаты, они были зажаты в ладонях поднятых рук. Их специально изготовили для такого случая. Но убивают они не хуже обычных...

И вот уже карта Испании перестает быть красивой, а война — игрушечной. Ребята понимают, что война — это страшно. Но все же им хочется в Испанию.

Испания далеко. А фашисты уже здесь — в деревне Смердыня. Но это произошло так быстро, что сначала было трудно поверить случившемуся. А поверить все же пришлось. Фашисты входили в любой дом и брали все, что им нужно. Фашисты расстреливали людей, вышедших на улицу после девяти

вечера. Ведь это проще — нажать спусковой крючок, чем выяснять, куда и зачем шел человек.

В те дни ребята говорили мало. Они смотрели, слушали, запоминали. Запоминали на всю жизнь.

Можно ненавидеть и прятаться.

Можно ненавидеть и мстить.

— Ребята, нужно что-нибудь делать, — сказал Коля. — Придут наши, прогонят фашистов, и получится, что мы тут не при чем. Мы должны мстить. Поклянемся?

— Честное слово! — горячо подхватил Алик и добавил для верности: — Честное пионерское!

Маркс молча кивнул головой. Он всегда говорил мало.

Начались поиски партизан. Осторожно ребята расспрашивали знакомых. Одни пожимали плечами, другие говорили: «Не лезьте не в свое дело», третьи спрашивали: «Зачем?». И на этот простой вопрос ответить было очень трудно. Мир изменился с приходом фашистов — теперь нужно было скрывать свои чувства и мысли. Ребята видели, что люди, к которым они обращались, ненавидели фашистов так же, как и они, но никто не отвечал прямо.

В чистом воздухе далеко разносился гул самолетов с немецкого аэродрома. Время от времени оттуда, из-за леса, вздымались тяжелые машины. Развернувшись, они выстраивались и уходили в сторону Ленинграда. Через некоторое время они возвращались, облегченные и как будто повеселевшие оттого, что остались целы и могут убивать снова. Низко над лесом заходили они на посадку — уверенные, неторопливые, как труженики. Из-за гула моторов ребята и не слышали шагов человека.

Он стоял перед ними и, чуть покачиваясь на длинных ногах, смотрел на них сверху. Он был в хорошем сером костюме, в белой рубашке и в галстуке. Он разглядывал ребят с любопытством, и сначала показался не своим и не чужим, а просто странным.

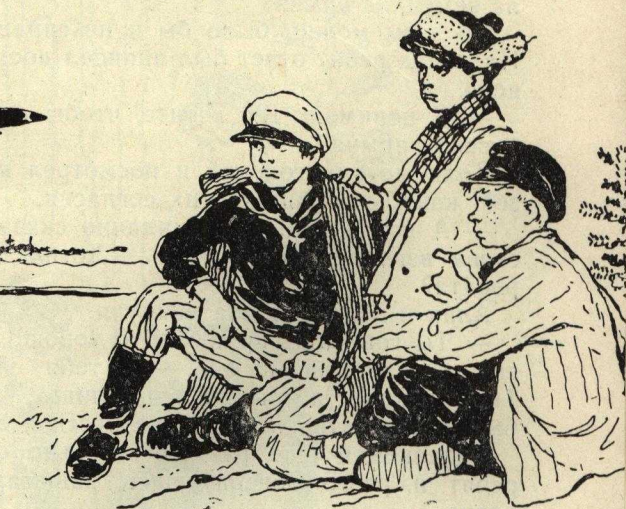
— Хорошие самолеты? — спросил он, кивая в сторону аэродрома.

Ребята молча смотрели на незнакомца.

— Я понимаю, понимаю... — засмеялся незнакомец. — Война!.. Я — подозрительный человек. Так?

Ребята молчали.

— Я понимаю, — продолжал незнакомец. — Война... Но я стою и улыбаюсь вам, а вы не улыбаетесь мне. Почему? Когда встречаются

Одни улыбались, другие хмурились, но ни те, ни другие не говорили ничего. И ребята понимали, что так надо.

Партизаны, которых могут найти ребята, наверное, не очень умелые партизаны. Но ребята все же не теряли надежды. Где только не искали: в оврагах, в лесу, даже в заброшенных сараях. Однажды, когда ребята сидели в кустах у околицы, им встретился странный человек. Был ясный осенний день.

в первый раз, то сначала нужно хорошо разговаривать, как друзья. Когда встречаются враги, то нужно разговаривать, как враги. Но ведь вы и я не враги. Так?

Было что-то странное в манере человека складывать слова. Русские слова звучали совершенно правильно и все же — не по-русски.

— Я хотел поговорить с вами, как будто нет войны. Я понимаю, вам нравятся самолеты. Мне тоже нравятся самолеты. Я хотел

раньше легчиком сделаться. Летать — очень хорошо. Верно?

И опять никто из ребят не произнес ни слова.

— Молчание — золото, — незнакомец засмеялся. — Когда я был мальчиком, я тоже мало разговаривал и много дрался. Все мальчики любят драться. Потому из них и вырастают хорошие солдаты. Правильно я говорю?

Да, он говорил правильно. Пожалуй, — слишком правильно. Чем больше он улыбался, тем угрюмее становились ребята. Никто и никогда не был так терпелив с ними. И все же в дружелюбии человека в сером была непонятная им назойливость. Теперь уже никто из мальчиков не хотел заговорить первым.

— Я понимаю. Вы не хотите говорить. Это не страшно. Война скоро кончится, и мы будем разговаривать хорошо. Что будете вы после войны делать?

Ребята молчали. Но незнакомец не унимался. Никак нельзя было понять, чего же он хочет.

— Когда победит немецкая армия... — сказал незнакомец.

Ребята вздрогнули и подались назад. Незнакомец опять засмеялся.

— Я понимаю. Вы не хотите, чтобы победила немецкая армия?

Об этом можно было бы и не спрашивать. На лицах ребят ответ был написан достаточно ясно.

— Я понимаю. Вы хотите, чтобы победила русская армия?

Коля мотнул головой и посмотрел на друзей, как бы спрашивая их согласия.

— А вот хотим! — неожиданно сказал он и снова взглянул на друзей. — Хотим! Верно, ребята?

Алик и Маркс молча кивнули.

— Ты говоришь правду. Это хорошо, — сказал незнакомец весело. — Я тебя уважаю. Ты — рыжий, а рыжие счастливые. Может быть, действительно, победит русская армия...

Незнакомец еще раз внимательно оглядел ребят и, резко повернувшись, зашагал к деревне.

— Чего он пристал? — спросил Алик.

— Фашист! — буркнул Коля. — Разве не понятно? Смотри, у него пистолет в заднем кармане.

И словно в ответ на слова Коли, человек в сером на ходу сунул руку в карман и вытащил портсигар, ярко блеснувший на солнце.

* * *

В школе стояли немцы. Занятий не было. Старые учебники хранились в погребе. Иногда

ребята доставали их и читали вслух. Это было опасно. Даже в учебнике по арифметике встречались слова: «СССР», «красноармеец», «советский». Расстрелять могли и за учебник по арифметике.

Через деревню на фронт проходили колонны немцев. Гул на земле и гул в небе... По-прежнему гудели, распаяя себя злобой, моторы над аэродромом. По-прежнему поднимались самолеты с русской земли и шли бомбить русскую землю. Казалось, не было силы, которая заставит их повернуть.

И вдруг в небе грянули пулеметные очереди.

Вихрем, через палисады, огородами, помчались ребята к околице. Они попадали на землю в кустах и лежа смотрели в небо. Смотреть было запрещено, за это тоже полагался расстрел.

Наверху шел бой. Медлительные бомбардировщики с крестами на крыльях, завывая, улетывали в разные стороны. Откуда-то сверху, из-за облака, свалился на них зеленый «ястребок». Он был один. Короткой трелью он прошепел по спине «юнкерса», и тот вспыхнул сразу, как ватный. Огненным комом «юнкерс» врезался в землю где-то за лесом. Спустя некоторое время долетел грохот взрыва. А «ястребок» снова взмыл вверх и, кувыркнувшись через крыло, стал падать на спину следующему.

С аэродрома поднялись истребители. «Ястребок», словно ликуя, заплесал в небе, огрызаясь короткими очередями. Он пикировал, петлял, переворачивался и делал это так легко, так весело, что все это было похоже не на бой, а, скорее, на игру в пятнашки. И вдруг «ястребок» задымил и стал снижаться. Вся свора метнулась за ним, поливая из пулеметов беспомощную машину.

Ребята вскочили на ноги, забыв о том, что их могут увидеть. Они не верили, что «ястребок» может упасть. Скорее, это военная хитрость, и летчик только притворяется и нарочно пускает дым.

«Ястребок», косо прочертив по макушкам деревьев, исчез. Ребята стояли, прислушиваясь. Взрыва не было.

Мальчики бросились к лесу. Никогда в жизни им не приходилось бегать так быстро. Они оступались, проваливались в колдобины, цеплялись за сучья, но не чувствовали боли ни от царапин, ни от ушибов.

«Ястребок» лежал на прогалине, уткнувшись крылом в землю. На бортах пузырилась горящая краска. Жирный тяжелый дым стлался по поляне. Летчик сидел в кабине,

склонив набок голову. Руки его, залитые кровью, повисли вдоль спинки кресла.

Коля прыгнул на крыло, вскарабкался к кабине. Он потряс летчика за плечо. Голова летчика чуть качнулась.

— Скорее! Живой! — задыхаясь от дыма, крикнул Коля.

Алик и Маркс были уже рядом. Отстегнув ремни, они с трудом вытащили летчика из кабины. Осторожно опустили на траву тяжелое тело. Чтобы летчику было удобнее лежать, Алик подстелил ему под голову свою телогрейку. Маркс принес в шапке воды. И только тут ребята заметили на комбинезоне летчика дырки, много дырок, возле которых расплылись темные пятна.

Первый человек, который прилетел к ним с нашей земли, прилетел мертвым. Его убили еще в воздухе.

Когда Алик понял это, он заплакал. И глядя на него, заплакали Маркс и Коля. Они плакали молча, не всхлипывая, не утирая слез. Они плакали, как мужчины. Если бы в эту минуту пришли фашисты, то мальчики дрались бы с ними до последнего вдоха. Руками, ногами, зубами — насмерть...

Но фашисты не пришли.

У летчика в карманах были документы и письмо. Письмо начиналось так: «Дорогой Лешенька! Мы все уже в Новосибирске. Холодина стоит такой, что сил нет. Намерзнуть за день на работе, приду домой и думаю: как же тебе, наверное, наверху холодно. Каждое воскресенье хожу на базар, ищу тебе шерсти на варежки. Теперь, слава богу, нашла козий пух. Теплый, теперь такого нигде не достанешь...»

Летчика Лешу похоронили в лесу. Похоронили тайком, без памятника, чтобы не нашли

немцы. Его положили в могилу в полной форме и никто из мальчиков даже не подумал взять пистолет, потому что героев всегда хоронят с оружием.

* * *

Зима в тот год была жестокой. Немцы стали еще подозрительнее и злее. Промерзшие патрули для храбрости палили в ночь. Стреляли на шорох, на огонек сигарки, стреляли чуть ли не в собственную тень. Они

смертельно боялись партизан. Выходить из деревни становилось все труднее. А выходить было нужно. Ребятам, наконец, удалось связаться с партизанами. Это сделал Коля. Он пропадал целыми днями. Возвращался усталый, с посиневшим от холода лицом. На распросы он отвечал неопределенно или отмалчивался. Напрасно пытались Алик и Маркс узнать у него хоть что-нибудь. Коля ничего не сказал. Тогда замолчали Алик и Маркс. Они дулись, бросали на Колю сердитые взгляды, но это не помогало. Наконец, даже Маркс, всегда молчаливый, тихий Маркс не выдержал:

— Ты думаешь, что мы ничего не видим? — сказал он Коле — Пожалуйста, думай... Мы все знаем — ты ходишь к партизанам. Верно, Алик?

— Правильно, — сказал Алик, — пусть он не врет.

— Я вру?! — крикнул Коля. — Чего я вам наврал?

— Ничего, — ответил Маркс. — Раз не говоришь правду — значит врешь. Мы же поклялись, чтобы вместе...

— Ничего я не вру... — буркнул Коля. — Мне командир сказал: если попадешься один, то это — один, а если трое, то это — трое. Будут одного мучить или троих — есть разница? Я про вас говорил. Он сказал: до времени...

— Тогда мы сами найдем, — спокойно сказал Маркс.

— Не нужно искать! — зашептал Коля. — Я должен был вам завтра сказать... Завтра повезем партизанам продукты.

— Здорово! Молодец, рыжик! — Алик, мгновенно забывший все обиды, хлопнул по плечу Маркса. — Это годится, верно, Марик?

Маркс молча кивнул. Он и так уже сказал сегодня слов больше, чем обычно говорил за неделю.

С этого дня ребята постоянно помогали партизанам. Оказалось, что в деревне не так уж мало людей, которые связаны с партизанами. Они передавали ребятам продукты и одежду, а те отвозили все это в лес и оставляли в условленных местах. Это было настоящее дело. И все же... Продукты... Горбушкой хлеба фашиста не убьешь. Их убивают из автоматов. А мальчики пока могли только мечтать об оружии.

И вот пришло первое боевое задание.

Как звонко поют лыжи на мерзлом снегу. Но песня эта — предатель. Как хороши голубые дороги в зимнем лесу. Свежая, морозная

луна серебрит ели... Но свет луны — только помеха. Лучше всего, если пасмурно небо, если буран, если темень. Чем хуже — тем лучше: немцы боятся темноты. Давно ли даже в летний день лес казался мальчикам загадочным, таинственным. Но пришла война. Все изменилось на этой земле. Привидения и колдуны, которыми когда-то пугал ребят Алик, затаились до лучших, мирных времен. Сейчас в лесу чувствуешь себя безопаснее, чем даже в собственном доме.

По притихшему, ночному лесу пробирались на лыжах трое ребят. И если они боялись, то вовсе не одиночества. Скорее, они боялись кого-нибудь встретить.

Вот и опушка. Впереди расстилается темное поле. Оно кажется мертвым. Но вот порыв ветра приносит какой-то металлический звук... вспыхнул и сразу погас крошечный светлячок... чуть слышно тарахтит не то танк, не то трактор. Там — аэродром.

Мальчики, сидя в кустах, трут одеревяневшие щеки, суют руки под мышки и снова трут. Хуже всего ногам: от ступней чуть ли не до колен разбежались морозные иголки. Хорошо бы побороться или просто встать да попрыгать... Но этого делать нельзя — могут услышать.

И вот оно, наконец! Издалека доносится басовитый гул. Он приближается, опускается ниже и плотно обволакивает все вокруг.

А поле притаилось — молчит.

Уже над самой головой режут моторы.

Поле молчит.

Тогда Коля выхватывает ракетницу и стреляет в черное небо. Маленькая звездочка летит над полем, разгораясь все ярче, и неожиданно гаснет. Но ее заметили. Где-то наверху начинается петь сирена. Она набирает силу, вот уже она не поет, а визжит все громче, все пронзительней, и тогда становится понятно, что это не сирена. Это бомба.

На середине поля взметнулся вверх огненный язык, осветив присмирившие самолеты с крестами на крыльях. И внезапно поле оживает. Огненные трассы пулеметов взмывают вверх. Вспыхивают прожекторы. Сухо и деловито твякают зенитки. В небе мигают огоньки разрывов. А сирены вверх визжат, не переставая, и на поле пачками рвутся бомбы. Где-то на краю аэродрома вздымается в небо огненный столб и повисает в воздухе. Попали в бензохранилище.

На лицах ребят пляшут багровые отсветы. Снег, сбитый воздушной волной с дерева, осыпается на них целыми сугробами. Но они ничего не замечают.

— Дай мне! — кричит Алик на ухо Коле.

Коля протягивает ему ракетницу. Алик вскакивает на ноги и посылает в поле еще одну, уже бесполезную и теперь едва заметную звездочку.

* * *

Трудно быть матерью партизана: Он еще не взрослый, этот партизан, но уже и не ребенок. Он умеет ненавидеть, как большой, и может оступиться, как маленький. Он надувает губы, хмурится, отмалчивается — хранит свою военную тайну. Да разве от матери скроешься. И если отпускает она его по ночам, то вовсе не потому, что хочет, а потому, что знает — все равно уйдет.

В избе Маркса темно. Дружно посапывают у стенки малыши. Спит и Маркс. Только мать не спит. Встретила она сына поздно ночью, поплакала на радостях, что живой остался. Вот ведь радости теперь какие — только плакать... Лежит она в темноте с открытыми глазами и думает: как уберечь мальчика? Что сказать? Он говорит: нужно! Она и сама знает, что нужно. А если убьют — тогда как...

Так ничего и не придумав, она засыпает беспокойным сном...

Утром кто-то осторожно постучал в дверь. Маркс соскочил с кровати. Снова стук — тихий, скребущийся. Немцы так не стучат.

— Кто там?

— Откройте скорее. Свой...

Маркс приоткрыл дверь. На пороге, озираясь, стоял человек в старой шинели без

хлястика. На голове — потрепанная ушанка со звездочкой.

— Хозяин, спрячь на часок. Фашисты...

Маркс молча посторонился. Человек вбежал в избу и остановился посреди комнаты, озираясь. Только сейчас Маркс разглядел два кубика на петлицах: лейтенант.

— Хоть до вечера... — жалобно сказал лейтенант.

Маркс кивнул.

Лейтенант подошел к окну, осторожно выглянул на улицу из-за занавески.

— Не бойтесь, товарищ лейтенант, — сказал Маркс. — К нам еще ни разу не заходили. Вы, наверное, голодный...

— Я не боюсь, — ответил лейтенант. — Понятно, что свои. — Он сел за стол. Маркс поставил перед ним чашку с картошкой.

— Спасибо, хозяин, — сказал лейтенант.

Под окном послышались шаги. Коля подбежал к окну.

— Немцы! К нам идут! Прячьтесь вон туда!

Лейтенант улыбнулся и направился к двери. Наверное, он сошел с ума от страха.

— Немцы же, немцы! Прячьтесь скорее, товарищ лейтенант!

Маркс бросился к двери, оттолкнул лейтенанта в глубь комнаты. Он во что бы то ни стало должен был спасти этого человека. Пусть сумасшедшего, но все-таки своего, русского командира. Маркс выскочил на крыльцо и, захлопнув дверь, прислонился к ней спиной.

Четверо солдат шли от калитки к дому.

— Сюда нельзя, никого нет дома! — крикнул Маркс, ничего уже не соображая.

Толчок в спину сшиб его с крыльца. Маркс упал на землю. На пороге стоял сумасшедший лейтенант. Солдаты взяли автоматы наизготовку.

— Festhalten! — сказал лейтенант. — In die Kommendatur einbringen. Gehen und Schimke, gehen wir weiter.¹

В тот же день арестовали Колю и Алика.

Все трое сидели в комендатуре, прижавшись спинами к стене маленькой грязной комнаты, когда грохнул засов и на пороге появился длинноногий офицер. Шурясь, он оглядывал полутемное помещение. И вдруг ребята услышали знакомый голос:

— Очень рад буду поговорить со своими старыми знакомыми.

На пороге стоял человек в сером. Только теперь он был не в костюме, а в кителе с вытипами погонями.

Тощий солдат в очках привел ребят в комнату с зарешеченными окнами. Их усадили на скамью, рядом. Улыбчивый офицер сел за стол.

— Как это так, — сказал офицер. — Я теряю много времени. Я знакомлюсь с русскими мальчиками. Но эти мальчики оказываются врагами немецкой армии. Они укрывают коммунистов.

Ребята, отвернувшись от офицера, смотрели в стену.

— Но я всегда хотел с вами хорошо разговаривать. Вы скажите, кто из вашей деревни с партизанами связан, я прощу вам вашу вину.

Ребята молчали.

— Я понимаю. Вы и я не очень большие друзья. Но нужно разговаривать. Иначе будет очень плохо.

— Ничего мы не скажем... Все равно вас всех поубивают! Лучше бей, фашист! — крикнул Коля.

Офицер поморщился.

— Ты грубый мальчик. Тебя надо выпороть. Но я не бью детей. Ганс!..

— Jawohl, Herr Sturmabaanführer!²

Тощий солдат подошел к ребятам, наотмашь хлестнул Колю по лицу и снова сел.

Алик и Маркс, поддерживая Колю, поднялись с места. Они стояли, прислонившись спиной к стене, и молча смотрели на офицера.

— Pass auf, wie sie schauen. Nur die Russen können so schauen, — офицер откинулся на спинку стула. — Mein Gott, wie überdrüßig mir diese Fanatiker sind.³

— Wie es mir scheint, sie haben die Absicht zu schweigen, Herr Sturmabaanführer...⁴

— Sie werden heute noch, oder morgen antworten, — безглаголиво проговорил офицер. — Sie sind nur Kinder. Bring mir Kaffee, Hans. Heute fühle ich mich etwas müde.⁵

Господин штурмбанфюрер ошибся. Они не сказали ничего.

¹ Взять! Отвести в комендатуру. Гелен и Шимке, идем дальше.

² Слушаюсь, господин штурмбанфюрер!

³ Взгляни, как они смотрят. Только русские умеют так смотреть. Бог мой, до чего мне надоели эти фанатики.

⁴ Они, кажется, намерены молчать, господин штурмбанфюрер...

⁵ Скажут. Не сегодня, так завтра. Они ведь всего лишь дети. Принеси кофе, Ганс. Я сегодня чувствую некоторую усталость.

Первый детский комитет „Муравейника“ во главе с председателем комитета Неусициным (в центре)

МУРАВЕЙНИК

В. Розлов

ПОТЕШНАЯ РОТА

Жарким июньским днем 1918 года по улицам Перми сновали два мальчишки. У одного в руках — банка с клеем, у другого — трубка бумажных листов. Мальчишки останавливались возле круглых афишных тумб, щитов. Черноволосый опускал на тротуар банку, окунал два пальца в клей и крест-накрест мазал по афишам. Второй — маленький, круглоголовый крепыш, прилеплял небольшое объявление. Разглаживал грязными ладошками желтый листок, удовлетворенно шмыгал носом.

— Порядок... Дальше. Полный вперед!

Возле объявления останавливались люди, читали:

«Товарищи дети! Кто имеет желание поступить в «Потешную роту», то быстрее записывайтесь! Запись будет производиться от 10 до 13 лет».

Длинный гимназист в потрепанной форменной курточке прочитал странное объявление, скривил губы.

— Че-пу-ха! — раздельно сказал он и содрал желтый квадратный листок. Два паренька — они не успели далеко отойти — заместили это. Остановились, быстро посоветовались.

— Кадет, — сказал один.

— Набьем морду? — предложил круглоголовый.

— Против Советской власти идет, — подогрел себя черноволосый.

Гимназист был выше и старше их. Он с усмешкой смотрел на ребят и медленно снимал широкий ремень с бляхой. Но ребята не дрогнули. Они разом налетели на гимназиста и стали молотить его кулаками. На помощь гимназисту подоспели еще трое в форменных фуражках. Но и у расклейщиков объявлений нашлись друзья. Завязался настоящий уличный бой. Извозчики стороной объезжали дерущихся, которые уже катались по мостовой.

— Бей кадетов! — орали мальчишки в дражных холщевых рубахах. — Глуши чистеньких!

Победили холщевые рубахи. Курточки обратились в бегство. Мальчишки из рабочего квартала свистели им вслед, улюлюкали.

— Штаны не потеряйте, кадеты! — кричали они, топоча босыми ногами по горячим булыжникам.

Во время боя банка с клейстером укатилась на середину мостовой, и по ней проехала телега, а листки разлетелись во все стороны. Мальчишки подбирали их, вертели в руках.

— Чё это? — спрашивали они друг у друга. — Прокламации?

— Прочитай, — сказал черноволосый. Он стоял на тротуаре и прикладывал к глазу медную бляху от трофейного ремня.

— Очки забыл, — сказал рослый мальчишка, которого звали Лехой.

— А мое пенсне кадеты растоптали, — хихикнул другой.

— Темнота, — сказал чернявый. И, подпоясавшись ремнем, взял листок в руки. Мальчишки внимательно выслушали объявление.

— Буржуев будем бить? — спросил Леха.

— А почему «потешная»? В цирке играть, что ли?

Круглоголовый крепыш пощупал распухший нос и сказал:

— Вместе дрались за Советскую власть... Айда в роту. Всех примем.

— А наганы дадут? — допытывался Леха.

— Надо будет — дадут, — сказал крепыш.

Леха почесал белый заросший затылок, решительно махнул рукой.

— Не дадут наганы — сами добудем! Айда, братва, в роту!

Двенадцать мальчишек во главе с расклейщиками объявлений зашагали по тротуару. По пути к ним приставали другие мальчишки. Увязалась и одна девчонка. Леха сразу воспротивился.

— А ты куда? — спросил он.

— На кудыкину гору.

— Подкинуть ей? — нерешительно сказал Леха.

— Пускай идет, — заступился крепыш. — Девчонок тоже принимаем.

— Зря, — сказал Леха, но девчонку не тронул.

МУРАВЕЙНИК

Жил в те годы в Перми хороший человек. Его знали и дети, и взрослые. И уважали. У этого человека было большое и доброе сердце. Звали его Василий Михеевич Шулепов. Был он народный учитель.

Знал Василий Михеевич и о «потешной роте». Познакомился с ребятами. Народ там собрался боевой, порядка никакого не было. Всяк творил, что ему вздумается. Чувствовали ребята, что вместе-то веселее на свете жить и интереснее. А как это сделать, — не знали.

Встретился Василий Михеевич с пермскими ребятами, спросил:

— Кто у вас командир?

Вытолкнули на середину одного парнишку.

— Вот командир...

Другие загалдели:

— Какой он командир... мы его не желаем!

— Хотите я у вас буду за командира? — спросил Шулепов.

Ребята посовещались, но к единому решению опять не пришли. Василий Михеевич подумал и сказал:

— Вы должны объединиться в клуб и вы-

брать комитет. Пусть комитет и заправляет всеми вашими делами, а иначе никогда не договоритесь.

...В декабре 1919 года жарко натопленное помещение центральной библиотеки было переполнено: ребята сидели на подоконниках, на полу. Сидели и ждали, что будет. Многие из них вообще никогда в школу не ходили и сюда пришли впервые в жизни. Бывшие гимназисты стояли отдельной кучкой и с презрением поглядывали на «голодранцев». На возвышение поднялся невысокий худощавый человек. Это был Шулепов. Пригладил усы, маленькую бородку.

— Осмотрели здание? — негромко спросил он.

— Оглядели... — недружным хором ответили ребята.

— Много книг?

— Хватает...

— А музей понравился?

— Ниче-е...

Шулепов подождал, пока затих гул, и сказал:

В. М. Шулепов

— Все, что вы видели в этом здании, и само здание с этой самой минуты передается вам... Все это ваше. Вы — хозяева.

Василий Михеевич спустился с возвышения. В зале сначала стало тихо, потом все загалдели сразу. Шулепов и другие учителя стояли в сторонке и о чем-то разговаривали.

— А что нам делать-то... со зданием? — кричал один паренек.

— Книжки-то хотя пожалейте! — обратились к педагогам бывшие гимназисты. — Растащат и на барахолке продадут...

— Вы теперь сами хозяева, — повторил Шулепов. — Продавайте... Только добрые хозяева со своим добром так не поступают.

МАЛЬЧИШКА У ЗАБОРА

Вдоль улицы мела поземка. С деревьев сыпалась твердая снежная крупа. Высокий парнишка в гимназической шинели стоял возле забора и смотрел в щель. Он переступал с ноги на ногу, прикладывал к ушам то одну, то другую руку, но не уходил. Смотрел, что делается по ту сторону забора. А там шла веселая возня. Так сначала показалось парнишке в гимназической шинели. Присмотревшись, он понял, что ребята не баловались, а работали. Одни скатывали с розвальней толстые сосновые кругляши, клали на козлы и пилили. Другие подхватывали распиленные чурбаки и кололи. Третьи складывали дрова в по-

На сцену вскарабкался двенадцатилетний мальчик, постоял немного, не зная, вернуться на место или идти вперед. Потом решительно уселся за председательский стол.

— Тихо! — постучал он ребром ладшки по столу... — Собрание продолжается...

Неуверенный голос председателя клуба окреп. Пареньку стали помогать из зала:

— Чего там, Леха, орудуй! Не робей! Президиум надо... Комитет выбрать, чтобы все было чин по чину.

На этом собрании ребята выбрали временный комитет и поручили ему выработать устав клуба.

Необычным было это собрание. Грозный 1919 год. Отцы и старшие братья отбивались от белогвардейских банд, наседавших со всех сторон. А в Перми, в клубе, мальчишки и девчонки горячо спорили: как назвать свой клуб, свою организацию? «Муравейник» — это название ребятам понравилось больше других. Клуб — «Муравейник», а члены клуба — «муравьи». Тут же сочинили обращение ко всем ребятам города: «Мы, муравьи, трудиться любим, — иди работать к нам скорей!»

Так называли себя ребята не случайно. Василий Михеевич Шулепов сразу предупредил членов клуба, что им придется все делать самим, нянек не будет.

— Чтобы вам здесь было весело и хорошо, нужно всем очень много поработать, — сказал Шулепов. — Вы должны дружно трудиться, как муравьи.

Нарочно подсказал Василий Михеевич ребятам название для клуба или это получилось случайно, трудно сказать. Но все подхватили это слово.

Большой «Муравейник», в котором насчитывалось пятьдесят «муравьев», зашевелился.

Парнишка не видел, как за его спиной остановился невысокий человек.

— Нос отморозишь, — сказал человек.

— Не отморожу, — ответил парнишка. — Он у меня луженый.

— Ну, тогда другое дело, — рассмеялся человек. — Луженый нос безопасно в любую щель совать... А ты не пробовал через дверь туда попасть?

— А чего мне там делать? Что, я дрова никогда не пилил?

— Здесь не только дрова пилят... Зайдем? Парнишка шмыгнул покрасневшим носом,

посмотрел на свои ноги, обутые в плохонькие ботинки.

— Разве что погреться, — сказал он.

Ребята сразу окружили невысокого человека с заиндевелой бородкой.

— Десять кубометров! Это с утра, а к вечеру все перепилим и сложим, — докладывал черноволосый мальчишка с острым подбородком.

На новичка никто не обращал внимания.

— Угадайте, кто со мной? — спросил Шулепов, кивнув на паренька.

— Кадет, — сказал черноволосый. — Я его знаю.

— Нехорошо, Неусихин, — покачал головой Шулепов, — человек к вам в гости пришел, а вы...

Неусихин хмуро посмотрел на «кадета» и вдруг широко улыбнулся.

— А ремешок твой до сих пор цел... Отдать?

— На кой он мне, — сказал паренек. — А синяк зажил?

— Зажил, — еще шире улыбнулся Неусихин. — А твои шишки?

Паренек в шинели стащил с головы фуражку:

— Пощупай...

Ребята смотрели на них и ничего не пони-

мали. Откуда им было знать, что рядовой «Потешной» роты Неусихин встретил «кадета», с которым летом крепко подрался у афишного столба.

— Работать умеешь? — спросил Неусихин.

«Кадет» пожал плечами, усмехнулся: экая невидаль! Неусихин что-то сказал ребятам, и они мигом приволокли здоровенный сосновый чурбак и колун.

— С трех раз расколешь, — сказал Неусихин, — значит...

— Что значит? — с вызовом спросил паренек.

— Значит ты — рабочий класс, — сказал Неусихин. — Валяй, коли!

Лица ребят были веселыми. Шулепов, который не вмешивался в разговор, смотрел на «кадета» ободряюще. И паренек решился: сбросил шинель, взял в руки тяжелый колун. Чурбак расколол он с двух раз.

— Как звать? — спросил Неусихин.

— Антошка, — ответил паренек. И, помолчав, прибавил: — Назовешь кадетом — гляди...

На очередном собрании клуба «муравьи» приняли в свои ряды новичка.

Слава о «Муравейнике» уже вышла за пределы Перми. И все больше ребят хотело записаться в клуб. «Муравьи» были народ не гордый — охотно принимали пополнение.

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ ДАНЫ РУКИ?

Что за народ были «муравьи»? И что они делали?

Первым делом «муравьи» выбрали детский комитет, в который вошли самые дельные и боевые ребята. Председателем деткома избрали Неусихина. Члены деткома отвечали за работу кружков, художественной студии, музыки.

Самыми оживленными днями в «Муравейнике» были четверги. Обсуждались международные события, утверждались новые планы. По «четвергам» кружки демонстрировали свои достижения.

Делали «муравьи» все сами. Начали с инструмента. Здесь большую помощь оказал Шулепов. Он умел все мастерить. И быстро научил ребят. Изготовив инструмент, «муравьи» стали приводить в порядок здание. Первым делом электрифицировали клуб, поставили на сцене распределительный щит. Провели телефон. Построили в саду летнюю сцену, нарисовали декорации, из мешков сшили занавес.

В фотокружке ничего не было, кроме фотоаппарата.

— Может быть, прикроем? — предложил

Неусихин. — Все равно химикатов и бумаги нигде нет.

Ребята задумались. Фотография привлекала многих, и отказаться от любимого дела было обидно.

— Самим надо попробовать, — предложил кто-то, — люди ведь делали фотобумагу и пластинки... А мы не сможем?

Достали необходимую литературу, изучили теорию. В аптеке нашли химикаты. И кружок заработал. До поздней ночи мигала красная лампочка в фотолаборатории. Зато сколько радости и гордости испытали ребята, когда был проявлен первый фотоснимок на пленке и бумаге,

Первый номер газеты, которую выпускали «муравьи».

МУРАВЕЙ-ЧУДОДЕЙ.

Детский журнал для ребят. Издаётся в Перми. Издаётся в Перми.

В. «...недавно ребята, взрослые помогли им стать умными и...
Вот на ноги мы зомбонам им докончить их славы»

Дети-строители будущего.

Раньше и теперь...

ОТ РЕДАКЦИИ

Да здравствует перный детский...
ребёнка.

Гимн пролетарской детей

Да здравствует дядя Ми...
пчаровский!

сделанной своими руками. Эти первые снимки «муравьев» и сейчас хранятся в пермском Дворце пионеров.

В клубе был заведен такой порядок: бери все, что тебе нужно, но не забудь потом положить на место. В «Муравейнике» не было ни одного замка. У Шулепова спрашивали:

— Почему у вас все открыто?

Василий Михеевич гладил седоватую бородку, усмехался:

— Здесь все хозяева... Не от кого запи- раться.

Однажды все-таки случилась пропажа. Ис- чез новый молоток. Шулепов узнал об этом, собрал ребят.

— Я не верю, что среди вас есть вор, — сказал он. — Это и так все ваше. Очевидно, молоток потерялся. Его надо найти.

Ребята молчали. И тогда Шулепов предло- жил навесить на ящики и двери огромные замки.

— Раз у нас завелись воры — иначе нель- зя, — заявил он.

В клубе наступило уныние. Ребята смотрели на замки, вздыхали. На третий день на ящике с инструментами обнаружили пропавший мо- лоток. Василий Михеевич снял замки. Больше в «Муравейнике» подобного не случилось.

Летом ребята отправились отдыхать в Ниж- нюю Курью, на бывшую купеческую дачу. Бе- лые, отступая, превратили дачу в хлев. Все было изломано, покалечено. Детком срочно провел собрание:

— Что будем делать? — спросил Неуси- хин. — Ждать, когда отремонтируют?

— Чего там ждать? — загудели «мура- вьи». — Сами сделаем. Что, у нас рук нет?

Закипела работа. Ребята починили крылеч- ки, сделали забор, покрасили. Нашли где-то бесхозную, полуразвалившуюся лодку и при- вели ее в порядок. Построили спортплощадку. Разбили огород, посадили овощи, картошку. И славно зажили на высоком берегу Курьи.

Жизнь на даче пришлась по сердцу. Вокруг сосновые леса, березовые рощи, река рядом.

Осенью, когда по утрам стал прихватывать мороз, ребята немного загрустили: обувь у всех сносила. Приходилось сидеть в поме- щении и ждать, когда солнце нагреет землю. Выручил деревенский парнишка Борис. Од- нажды он вернулся из леса с лыком. Вымочил его, а потом уселся на крыльце и за два дня сплел себе отличные лапти. Обулся, походил по двору, поскрипывая обновкой, и ушел на весь день в лес.

— А мы что, рыжие? — сказал Антошка по прозвищу «кадет». — Айда в лес за лыком!

Вскоре все «муравьи» щеголяли в новых скрипучих лаптях.

...Антоша быстро втянулся в жизнь «Мура- вейника». Бывший гимназист оказался совсем не плохим парнем. Он не чурался работы, ни- когда не подводил ребят. От прежней гимна- зии у него осталась одна шинель, да и ту пришлось выбросить, обветшала. Антошку и председателя деткома Неусихина сдружила любовь к рыбалке. В свободное время они сталкивали лодку в воду и отправлялись удить рыбу. На двоих был один крючок.

...Над рекой плывут облака. Легкие тени бе- гут по реке. Тихо на Курье. С середины реки слышно, как плещется волна.

Неусихин забрасывает удочку. Антоша по- ложил весла на борта и не спускает взгляда с поплавок.

— Мы удим, а другие на берегу сидят, — говорит Неусихин. — Так не годится.

— У них все равно крючков нет.

Неусихин смотрит на поплавок и морщит лоб.

— Проволоки бы стальной достать.

— Поищем, — соглашается Антоша.

На другой день они исходили всю окрест- ность вдоль и поперек. И нашли кусок ржавой проволоки. Крючки вытачивали три дня. И вот на речку вышла целая бригада рыболовов. Вечером девочки выставили на стол тарелки, полные жареной рыбы. Это было хорошим подспорьем для ребят. Год был голодный.

„МУРАВЬИ“ НЕ УМИРАЮТ

День выдался солнечный, весенний. Шел март 1922 года. «Муравьи», как всегда, зани- мались своими делами. Дел было много и все интересные. Некоторые ребята ухитрились за- ниматься в трех — четырех кружках: шахмат- ном, фотографическом, драматическом и тех- ническом. А тут еще радио завладело умами «муравьев». Все без исключения стали чер- тить схемы, собирать детекторные приемники. Антоша и Неусихин сражались в шахматы,

когда в клуб пришла группа ребятешек. Са- мому старшему было лет одиннадцать.

— Вам кто нужен, ребятки? — спросил Ан- тоша. Он еще больше вырос и действительно выглядел рядом с малышами дядей.

— Мы записываться... В эти... муравьи... Антоша посмотрел на Неусихина, присвист- нул: — Видал?

— Наша боевая смена, — сказал Неуси- хин. — Беру твоего слона...

Антоша отодвинул шахматную доску, встал, задумчиво прошелся по коридору.

— Как ты думаешь, — спросил он, — сколько можно быть «Муравьем»?

— Всю жизнь, — невозмутимо ответил Неусихин.

— Я серьезно.

— И я серьезно... «Муравьи» не умирают.

* * *

По всей стране разбросала жизнь «муравьев».

Даниил Александрович Неусихин до Отечественной войны жил в Ленинграде. Он работал в детских журналах «Чиж» и «Еж», в 1936 году был заведующим редакцией «Костра».

Неусихин не дожидаясь наших дней, он погиб на фронте в Отечественную войну. Но он был прав: «муравьи» не умирают. Их хорошее дело живет. Вступая в самостоятельную жизнь, «муравьи» договорились встречаться. Так они и делали первые годы. Потом жизнь разбросала их по всей стране, но они не теряли связи. Дружба, родившаяся в «Муравейнике», не умерла. Ее берегли, свято хранили, «муравьи» переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, делились своими радостями и печалью.

Во время войны поредели ряды «Муравьев». Порвались старые связи. Но тут взялись за дело «Красные следопыты».

И вот в 1959 году «муравьи» со всех концов страны съехались в Пермь. Здесь во Дворце пионеров они вместе с ребятами отпраздновали свой сорокалетний юбилей. Сколько интересного узнали пионеры в тот памятный день! «Муравьи» — пожилые, солидные люди, как-то сразу помолодев, поднимались на трибуну и рассказывали о себе, о своих товарищах. Вместе с ребятами бродили по залам Дворца и вспоминали самые различные эпизоды из кипучей жизни «Муравейника».

«Красные следопыты» ходили за «живой историей» по пятам и записывали каждое слово, сфотографировали всех участников съезда «муравьев». Так началась во Дворце пионеров летопись пионерской организации города Перми. И теперь каждый пионер знает все о «Муравейнике». А тот, кто готовится стать пионером, обязан изучить историю «Муравейника».

«Муравьи» пообещали ребятам написать книгу о деятельности клуба. В эту книгу войдут рассказы и воспоминания всех здравствующих и поныне «муравьев».

Анатолий Чепуров

Рисунки К. Савкевич

Наш двор и зелен и тенист,
А был пустым когда-то...

Однажды днем раздался свист
И следом крик:

— Ребята!...

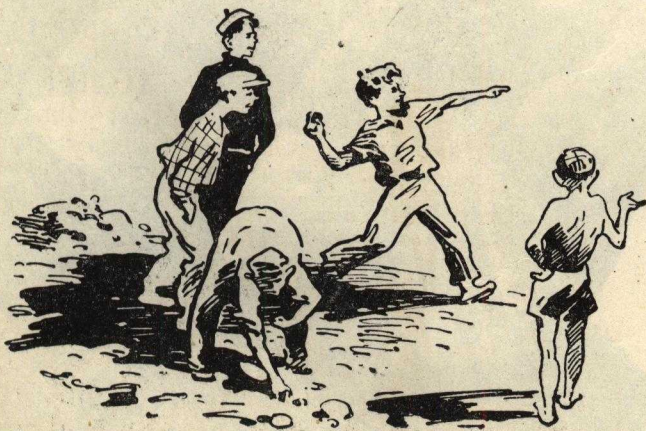
И минуты не прошло —
Вся команда в сборе.
Всех, как ветром, принесло
По сигналу Бори.

Боря каждому знаком,
Борю знает весь наш дом...

— Вон, смотрите, кот идет,
Кто, не целясь, попадет? —
И в кота, что было сил,
Боря камень запустил.
Бах!

И нету полстекла...
Дрожь по каждому прошла...

Ребята знали дядю Петю,
Гордились: — Это наш сосед! —
Когда увидели в газете
О нем заметку и портрет.
Полярный летчик Говорков
На них смотрел с портрета.
Он спас колхозных рыбаков
И награжден за это.
Он был фотографом заснят
На фоне самолета:
В сединках волосы назад,

Бесстрашный взгляд пилота...
Таким он был и до сих пор,
Высокий, загорелый...

Шел Петр Семеныч через двор,
Одетый в китель белый.
Спросил он:
— В сборе весь отряд?
Тогда вперед, за мною!

Сверкал,
Дышал,
Дымился сад
Сиреновой весною.
Звоночки птиц. Зеленый пруд.
Скамеечка пустая.
Садись, любуйся, как плывут
Пушинки ив, не тая.
— Красивый сад? —
Спросил ребят
Лукаво дядя Петя.
И все ответили:
— Хорош!
Борис добавил:
— Не найдешь
Красивее на свете!
И, продолжая разговор,
Он предложил ребятам
Озеленить унылый двор
При нашем доме пятом.
Был у ребят один ответ:
Идти без промедленья
Всем за поддержкой в Райсовет
И в домоуправление...

А как любила детвора,
Забыв свои проказы,
Послушать вечером Петра
Семеныча рассказы!
Он столько видел на веку,
Каких друзей имел он
И в истребительном полку,
И в Заполярье белом!
Но и такой товарищ был
С ним на военной службе,
Который в трудный час забыл
О чести и о дружбе.
Ребята слушали рассказ,
Готовые к ответу:
Знай, дядя Петя, среди нас
Таких трусливых нету!

Ну, что теперь делать?
Какими глазами
Смотреть дяде Пете в глаза?
Борис от окошка

Отпрянул и замер:
Гроза надвигалась,
Гроза!
Сейчас дядя Петя
В квартиру заходит,
Фуражку на столик кладет,
А дальше?
Глядит и руками разводит
И думает:
«Эх, и народ!..»

* * *

Боря другу позвонил
И сказал, набравшись сил:
— Выходите все во двор
На короткий разговор.
И минуты не прошло —
Вся команда в сборе.
Всех, как ветром, принесло
По сигналу Бори.
Боря глянул на ребят:
— Я, ребята, виноват,
Я за все в ответе...
Но сказал один из них:
— Доказательств никаких
Нет у дяди Пети!
Так зачем же, не пойму,
Признаваться самому?
Что тут было,
Крик какой,
Ох, досталось лихо!
— Заяц!
— Трус такой-сякой!..
Боря подал знак рукой,
Чтобы стало тихо:
— В норы прячутся кроты,

Зайцы бегают в кусты,
Значит, с ними вместе
Быть и мне без чести?
Нет, приятель, эта честь
У меня пока что есть!
И к парадной дяди Пети
Зашагал он напрямик...

* * *

Ночь.
Давно уснули дети.
На столе лежит дневник.
Петр Семеныч быстро пишет, —
Отмечал он все подряд:
Что увидит,
Что услышит,
Рад чему,
Чему не рад...
Был доволен он без меры
И записывал в тетрадь:
«Смел и честен. В пионеры
Борю можно принимать».

АГИТПОЕЗД

„Заря революции“

(История одного рисунка)

В. Кочегура, художник

Лист плотной бумаги сложен пополам и еще раз пополам, на сгибах бумага сильно потерлась, и линии, сделанные углем, стали из черных серыми.

В дымном цехе полуобнаженные рабочие с усилием удерживают огромную деталь. Рабочие изнемо-

гают. Двое уже упали. Над ними стоит, видимо, мастер, сердито размахивая руками. Лицо его перекошено от крика, и вся коротенькая фигура напряглась от ярости.

Я нашел этот рисунок, разбирая папки со старыми набросками, и сначала не обратил на него вни-

мания, но какое-то смутное чувство заставило меня еще раз взять его и развернуть.

Слева сверху зеленым карандашом написано: «№ 11 для агитпоезда».

Я вспомнил.

Сорок два года назад

Я жил в поселке при станции Игрень под Екатеринославом (так раньше назывался Днепропетровск).

Какие только части не проходили через наш поселок! Всех и не упомнишь: петлюровцы в широких шароварах и высоких смушковых шапках, калединцы и деникинцы, ого-

лые «хлопцы» батьки Махно и уставшие от войны 1914 года австрийско-немецкие войска. И все они рвались к Екатеринославу. Только к осени 1919 года Украина была очищена от врагов и начались восстановительные работы.

Жизнь постепенно налаживалась. А мы, учащиеся, долго не могли войти в обычную учебную колею. Новых учебных программ еще не было, старые не годились. И мы иногда по целым неделям не появлялись в классах.

Художник Апсит

Это «смутное» учебное время я проводил за любимым занятием: с альбомом и красками забирался в окрестности поселка, к небольшой речке Самаре, и часами сидел и рисовал. И вот в один из осенних вечеров, возвращаясь домой, я увидел около ветряной мельницы человека, сидевшего ко мне спиной. Подойдя немного ближе, я заметил, что человек рисует. Я очень устал и проголодался, но встал сзади и не ушел, пока не стало темнеть и художник, сложив свои принадлежности, не обернулся. Это был настоящий богатырь! Он сразу напомнил мне гоголевского Тараса Бульбу, только без усов.

— Ты что это, подсматриваешь за мной? — спросил Тарас Бульба. И мне пришлось признаться, что я, действительно, остановился умышленно.

— А ты, верно, тоже художник, — сказал он. — Вон я вижу у тебя альбом и краски, а ну-ка, покажи мне свою работу, должен же я знать, с кем разговариваю!

Покраснев от смущения, я протянул ему альбом.

Так началось наше знакомство.

Фамилию своего собеседника я узнал только через несколько дней, после первого посещения его дома. Там, на одной из работ, висевших на стене, я заметил очень знакомый пейзаж. И вспомнил, где я его видел: на странице романа Л. Толстого «Война и мир». Подписан был рисунок характерным росчерком: «Апсит».

Вот с каким художником мне по-настоящему случилось встретиться!

Не думаю, чтобы его особенно сильно заинтересовали мои тогдашние робкие работы. Но, как бы то ни было, он очень охотно брал меня с собой на этюды, подробно разбирал сделанное мною и, главное, разрешал смотреть, как работает он сам. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю о своем первом учителе.

Он рассказывал мне о своей жизни. Латыш по национальности, сын кузнеца и прачки, Апсит рано ли-

шился родителей. Тяжелой была его самостоятельная жизнь. Приходилось браться за любую работу — он служил лакеем у богатых господ, выступал клоуном в странствующих цирках и всюду в свободную минуту рисовал.

Случайный знакомый — художник Дмитриев-Кавказский заметил способности паренька и взял его к себе в студию. Опытный художник и педагог, он не ошибся, Александр Петрович Апсит скоро стал блестящим иллюстратором. Его рисунки к произведениям Лескова, Салтыкова-Щедрина, к чеховской «Каштанке» и, наконец, к «Войне и миру» принесли автору большую известность.

Агитационный поезд „Заря Революции“

Однажды Александр Петрович внимательно посмотрел на меня и спросил: «Скажи мне, дружок, хотел бы ты помочь тем, кто борется за будущую счастливую жизнь? Только не думай, что я зову тебя взять винтовку или наган, нет, мы с тобой можем помочь народу другим способом».

И когда я с радостью согласился, даже не спрашивая, что нужно делать, он сказал: «Через два дня мы приступаем к расписыванию первого украинского агитационного поезда».

Что такое агитпоезд, я уже немножко знал. В те времена они ходили по стране, останавливаясь на самых маленьких станциях и полустанках. На каждой остановке к поезду собирались крестьяне. Тут их знакомили с последними декретами Советской власти, читали им антирелигиозные лекции, устраивали концерты. Работала библиотека-читальня. Значение таких агитпоездов, когда еще не звучало радио и газеты выходили нерегулярно, было очень велико. Недаром в том же

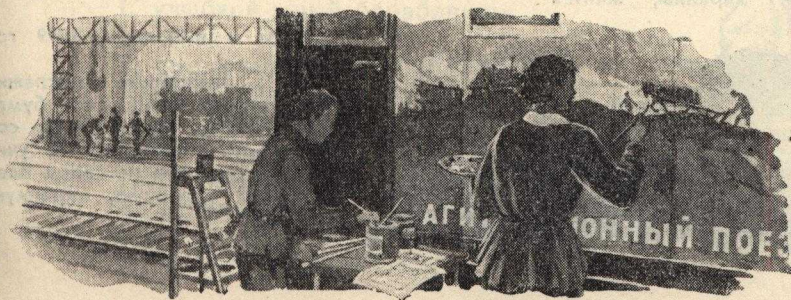
1919 году один из них, «Октябрьская Революция», проделал много рейсов под руководством М. И. Калининна.

И вот мы с Александром Петровичем уже в железнодорожных мастерских и осматриваем наш поезд. Да, это самый обыкновенный поезд, только очень короткий, всего три пассажирских вагона третьего класса и один большой товарный, его называли «пудмановским». Он на четырех осях.

Пассажирские вагоны заняты клубом, библиотекой-читальней, выставками. Большой — «пудман» — переоборудован под лекционный и концертный зал. В хорошую погоду лекции и концерты будут проходить прямо на открытом воздухе.

Александр Петрович предупредил, что придется работать «очень крепко и не хныкать» и что никакой платы не будет.

Все стенки пассажирских вагонов

нужно расписать масляными красками. Эскизные рисунки для росписи уже готовы и одобрены политотделом.

Мы приезжали в железнодорожные мастерские с первым пригородным поездом и уезжали ночью, а иногда и не уезжали вовсе, оставались до утра в одном из вагонов. Только такой здоровяк, как Аpsит, мог выдержать несколько недель подобной работы. Ведь моя помощь заключалась лишь в покрывании больших плоскостей и в исполнении текстовых плакатов, все остальное делал он сам. А работу затягивать было никак нельзя: приближалась осень с дождями и распутицей. И

все-таки Александр Петрович отказался от привлечения других художников. Он хотел, чтобы оформление этого первого на Украине агитпоезда было делом его рук, его скромным подарком освобожденному народу!

Особенно ярким и торжественным у него получилось главное панно: «Приезд Владимира Ильича Ленина в Петроград в 1917 году и встреча с ним питерского пролетариата».

Тогда я не успел у него узнать, но теперь убежден, что Аpsит и сам видел в ту ночь Ленина. Замечательно были переданы полыхающие языки факелов, лучи прожекторов

и особенно фигура вождя, произносящего слова своей пламенной речи!

Один из вагонов был расписан на тему «Подневольный труд рабочих и крестьян царской России». Бредет за сохой измученный крестьянин, жалкая лошада елe перeдвигает ноги, босой, оборванный сынишка крестьянина, спотыкаясь о комыя земли, подгоняет бедную клячу. Вдали на фоне тяжелого, затянутого осенними облаками неба, — полуразвалившаяся изба. А рядом — дымный цех какого-то большого завода, полуобнаженные рабочие, то есть то, что я сейчас вижу на рисунке, лежащем передо мной.

Встреча на рельсах

обойти их, но они снова загородили нам путь. Раздался хриплый голос: «А ну, скажи, чортов богوماз, за сколько фунтов пшена купили вас большевики?»

Аpsит незаметно передал мне свою папку с рисунками, которую всегда носил с собой.

Затем все произошло очень быстро. Я хотел шагнуть ближе к учителю, но тяжелый удар свалил меня на рельсы. Уже лежа, я увидел неожиданный конец этой ночной встречи. Первый из нападавших неподвижно лежал у ног Александра Петровича, второго он крепко держал за обе руки, а вдали слышался поспешный топот третьего, убежавшего в ночную темноту...

— Пусты, дьявол, худо будет! — прорычал извивавшийся в железных тисках Аpsита нападавший.

— Нет, теперь уж тебе будет не сладко, — сказал учитель. — Володя, возьми-ка у него нож да сбегай позови кого-нибудь со станции.

Но мне не пришлось бежать, — к нам подходила группа рабочих из депо, также спешивших к последнему поезду.

Потом мы узнали от работников Чека, что один из нападавших, бывший петлюровец, подготовил двух своих приятелей «попугать богوماза», чтобы не дать ему закончить оформление агитпоезда. Кто такие были его приятели, мы так и не узнали.

Рабочие мастерских больше не отпускали нас одних ночью. По два-три человека провожали нас всю дорогу до станции Игрень и даже до наших домов в поселке.

Прощание

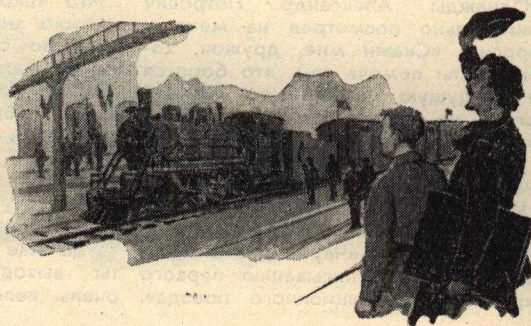
Наступил день, когда Александр Петрович медленно обошел со мной вокруг поезда, придирчиво осматривая сделанное.

Видно было, что он очень устал. С волнением слушал он слова благодарности от комиссии, принимавшей оформление агитпоезда. И когда один из членов комиссии, старый рабочий депо, крепко пожал ему руку, Александр Петрович порывисто обнял его.

За время работы мы сдружились с рабочими мастерских и было жаль расставаться с ними. Поэтому прощание с ними вышло особенно теплым.

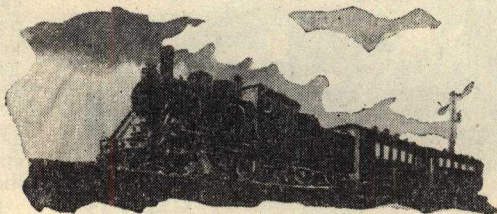
На следующий вечер мы провожали агитпоезд в первый рейс.

Раздался прощальный гудок паровоза, и уже постукивают колеса на стыках рельс, в вечернем сумраке удаляется красный фонарик с площадки последнего вагона, поезд набирает скорость. И вот он уже мчится по бескрайним полям свободной Советской Украины, мчится

рядом с победным 1919 годом!

Я с уважением разглаживаю пожелтевший лист бумаги. Я снова вижу перед собой лицо моего первого учителя и ощущаю на своем плече его широкую, крепкую ладонь.

(Из истории советской поэзии)

Фритц Вайнек был горнистом. Когда немецкие рабочие бастовали и сражались на баррикадах, горн мальчика звал к победе.

Фритц погиб от пули немецкого офицера в тот день, когда тысячи рабочих пришли в парк, чтобы послушать выступление Эрнста Тельмана. Полиция прорвалась за изгородь и стала разгонять собравшихся. Фритц затрубил, подбадривая революционеров. В него выстрелили. Юный горнист упал. «И все же мы победим!» — были его последние слова.

Хоронили мальчика тысячи рабочих. В его могилу положили горн, с которым он никогда не расставался.

Немецкий композитор Вальродт написал о нем песню.

Вальродту довелось быть в Москве. О юном герое и своей песне он рассказал поэту Михаилу Светлову, автору песни про «Каховку», стихотворения «Гренада» и многих других известных поэтических произведений.

На музыку Вальродта М. Светлов написал русский текст. Правда, в этой песне Фритц не горнист, а барабанщик, но он такой же веселый и бесстрашный, как на самом деле.

«Маленький барабанщик» — долгие годы одна из любимых пионерских песен.

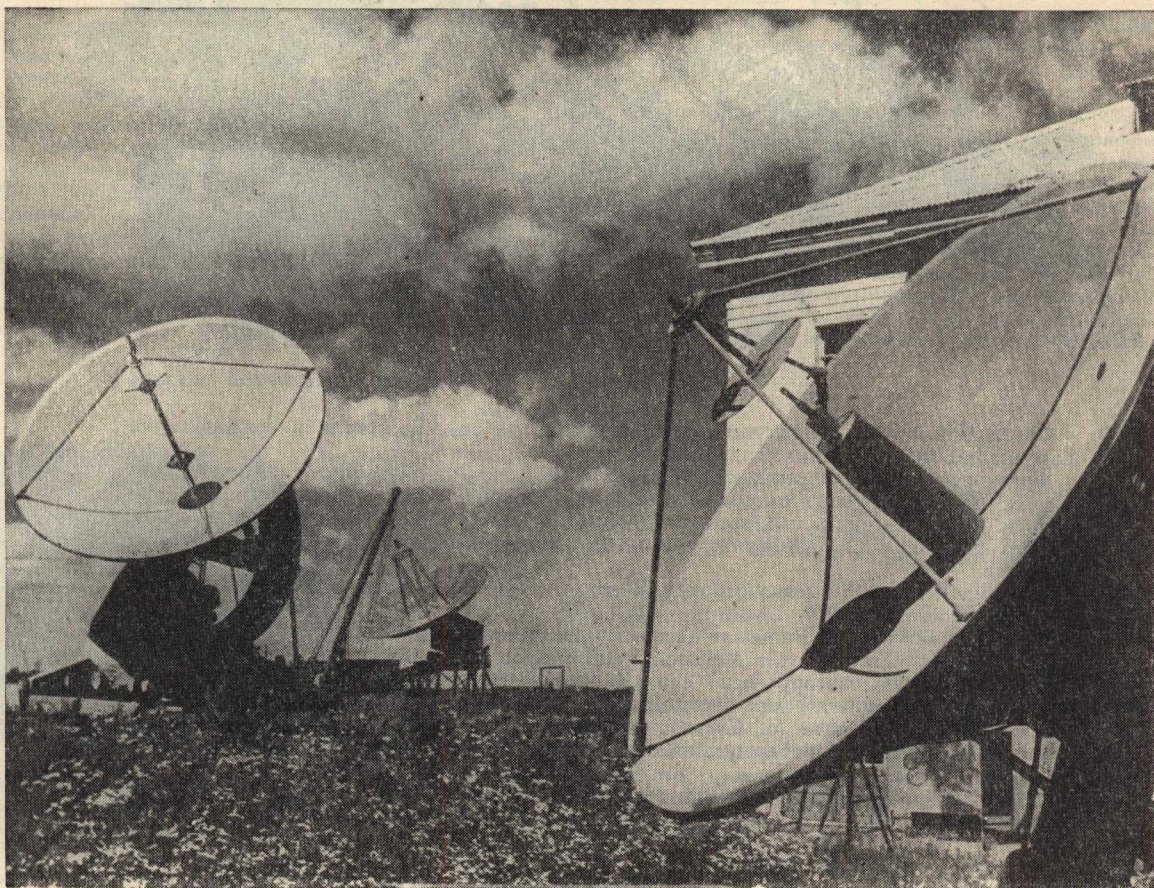
МАЛЕНЬКИЙ БАРАБАНИЩИК

М. Светлов

Мы шли под грохот канонады,
мы смерти смотрели в лицо,
вперед продвигались отряды
спартаковцев, смелых бойцов.
Средь нас был юный барабанщик,
в атаках он шел впереди
с веселым другом барабаном,
с огнем большевистским в груди.
Однажды ночью на привале
он песню веселую пел.
Но пулей вражеской сраженный,
пропеть до конца не успел.
С улыбкой юный барабанщик
на землю сырую упал.
И смолк наш юный барабанщик
Его барабан замолчал.
Промчались годы боевые,
окончен наш славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
но песня о нем не умрет.

Рисунки Т. Капустиной

ОКНО СЕМИ- ЛЕТКИ

Обыкновенную антенну все видели. А огромную — площадью в сотни квадратных метров — можно посмотреть в Пулков, где находится Большой Пулковский радиотелескоп.

Есть небесные тела, которые не может обнаружить самый сильный оптический телескоп: они не излучают света, а если

излучают, то бывают скрыты непроницаемыми облаками космической пыли.

Радиотехника снабдила астрономию гигантскими телескопами и высокочувствительными приемниками. Радиоастрономия — это еще молодая отрасль науки, и развивается она бурно, победоносно. С ее помощью открыты и исследованы тысячи новых ранее неизвестных астрономии туманностей.

Особенно подробно радиоастрономия изучает Солнце. Сотрудники Пулковской обсерватории — «солнечники» из отдела радиоастрономии — стараются не пропустить ни одного солнечного затмения, потому что в это время лучше всего исследовать радиоизлучение Солнца. В этом году затмение наблюдалось в Пулков

и в Ростове-на-Дону, а два года назад — в Китае, на острове Хайнань, куда специально выезжала большая группа радиоастрономов, вооруженная четырьмя телескопами.

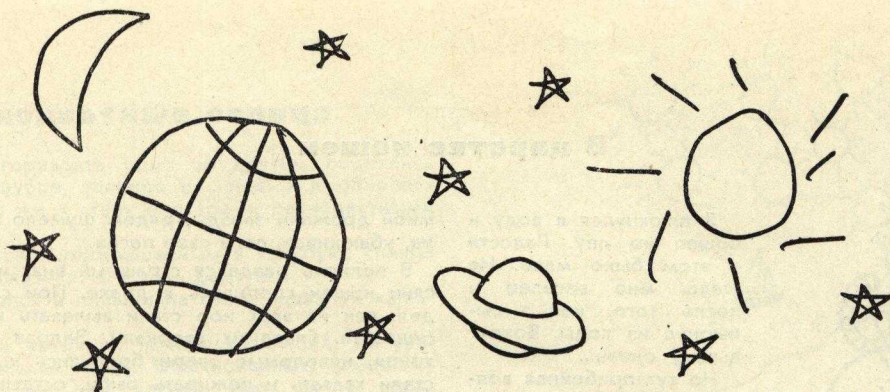
Более десяти радиотелескопов служат для изучения атмосферы Солнца. Есть в здании Обсерватории лаборатории для разработки научной аппаратуры, мастерские для ее изготовления.

До радиоастрономии мы знали о жизни небесного населения только то, что сообщали нам туманности, звезды и планеты на языке света.

Большой Пулковский и другие наши радиотелескопы позволяют определить природу излучения неизвестных ранее туманностей и их положение во Вселенной.

*Н. Кайдановский, старший научный сотрудник
Пулковской обсерватории*

На снимке Б. Уткина — Большой Пулковский радиотелескоп

Планета чудес или невероятные приключения путешественника Парамона

Н. Сладков

Рисунки М. Беломирского и Г. Ковенчука

(Главы из повести)

Однажды в редакции появился Парамон и положил перед редактором рукопись своей книги.

Строгий редактор взвесил рукопись на руке, посмотрел на Парамона из-под очков и ничего не сказал.

На первой странице было написано: «ПЛАНЕТА ЧУДЕС». Редактор перевернул страницу: «Я стал повелителем кошачьего царства...»

Редактор опять посмотрел на Парамона и произнес: — Должен напомнить, конкурс врунов кончился. В книге должна быть одна правда!

— Я знаю, — ответил Парамон.

— «Планета чудес». Вы описали путешествие по какой-то планете? — спросил редактор.

— По планете, — ответил Парамон.

— По какой планете?

— Не скажу, — ответил Парамон.

— Тэ-эк! — протянул редактор. — Ну что ж — фантазируйте. Планеты, как и бумага, — редактор ткнул пальцем в рукопись, — планеты и бумага пока еще все терпят.

Рукопись осталась у редактора на столе. Вот она.

Планета чудес

Посвящается пионерам.

Пионер — это исследователь и разведчик.

«Пионер растет смелым и не боится трудностей».

«ПРАВДА ВСЕГДА НЕВЕРОЯТНА. ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ПРАВДУ ВЕРОЯТНЕЙ, ПРИХОДИТСЯ ПРИМЕШИВАТЬ К НЕЙ НЕМНОГО ЛЖИ».

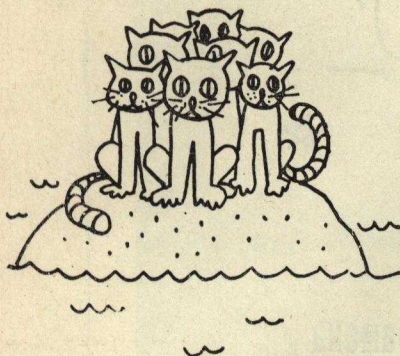
«НО, КАК ЧАСТО СЛУЧАЕТСЯ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ НЕОБЫЧАЙНА И ЗАХВАТЫВАЮЩА, ЧЕМ ВСЕ ТО, ЧТО МОЖЕТ СОЗДАТЬ ВООБРАЖЕНИЕ».

Я расскажу вам о мечте моего детства — удивительной ПЛАНЕТЕ ЧУДЕС. Планета эта туго набита самыми невероятными приключениями. На ней происходят события, которые не могут больше произойти нигде. Я очень хотел попасть на эту планету. Всю жизнь я искал ее и без конца смотрел в телескоп. И, нако-

нец, я ее нашел! Но нашел я ее совсем не там, где искал. А как нашел — сейчас же собрал свой походный рюкзак. Самым трудным оказалось найти дверь в эту страну чудес и переступить через ее порог. Дальше все пошло само собой. Я открыл дверь, переступил порог и... плюхнулся в воду!

В царстве кошек

Я плюхнулся в воду и пошел ко дну. Радости в этом было мало. Не стало мне веселее и после того, как я вынырнул из воды. Вокруг дышал океан...

Но тут прибойная волна подхватила и вынесла меня на белый песок. Ни деревца, ни птицы, ни зверя не видели мои глаза: остров казался необитаемым. Только что-то черные норы покрывали его

так густо, что остров походил на кусок дырявого сыра.

Я был не одинок. Со мной были верные мои друзья: твердая рука, зоркий глаз и находчивость. Мог пригодиться и остро отточенный нож.

Наступил вечер. Я растянулся на теплом песке, подложив под голову большую морскую раковину. Надо

мной дрожали звезды, рядом шумело море, и раковина, убаюкивая, пела свои песни...

В полночь раздался страшный визг и вой, будто тысячи кошек сцепились в драке. При свете луны я увидел, как из всех нор стали вылезать какие-то черные существа. Глаза их сверкали. Задржав хвосты, визжа и хрипя, неведомые звери бросились к берегу моря и стали хватать и пожирать рыбу, оставшуюся после отлива. Я был поражен и напуган. А звери с зелеными глазами все лезли из нор, и не было им конца!

Всю ночь по острову шныряли черные тени, сверкали зеленые глаза, и не утихал визг. Но когда первые лучи солнца веером взметнулись над горизонтом, — остров опять был тих и безжизнен. Только бесчисленные следы вели от моря к черным норам. Мне ли было не знать эти следы! Круглые, пятипалые, без когтей — всем известные следы обыкновенных кошек!

Так я попал в царство кошек. Тысячи кошек жили на острове. Тысячи кошек и ни одного человека, кроме меня!

Я стал повелителем кошачьего царства.

Дождь

Прогредел гром, и на землю шлепнулась первая тяжелая... селедка. Я бросился в укрытие. На кошачье царство хлынул селедочный дождь. Скоро везде на земле побежали селедочные ручьи, и собрались большие селедочные лужи.

Из всех нор вылезли коты и стали хватать селедки прямо налету. Так и казалось, что они прыгают и кричат: дождик, дождик — пуще!

Много разных дождей видывал я, но селедочный дождь впервые падал на мою голову. Было не до раздумий: я целые сутки ничего не ел. Селедки же оказались на редкость вкусные и главное — совсем не соленые!

Тут снова прогредел гром, и на кошачий остров полил настоящий дождь, но только красного цвета! Сверкнула молния, и дождь стал белым! Я своими глазами увидел, как в красных кисельных берегах потекли белые молочные реки.

Погода испортилась не на шутку. Я замерз и промок насквозь. Но на мое счастье хлынул из туч сухой дождь. Под сухим дождем я быстро согрелся и совершенно высох. Интересный этот сухой дождь! Из черных туч низвергаются потоки воды, а на землю не падает ни капли! На земле сушь и жара!

Я совсем было повеселел, но тут мне на голую шею шлепнулось что-то мокрое и холодное. Я схватился за шею рукой: в руке оказался маленький лягушо-

нок! Я бросился бежать; по спине моей забарабанили крупные лягушки. На земле они собирались в зеленые лужи, и выпученные глаза их были похожи на водяные пузыри.

Наши лягушки всегда квакают перед дождем, а местные начали свой лягушачий концерт после дождя. Они, наверное, радовались, что, наконец, попали с неба на землю.

Лягушки квакали, а я думал о том, что не плохо бы достать зонт. В лягушачий дождь носил бы его как положено ручкой вниз, а в дождь селедочный — ручкой вверх. Очень удобно: и сам сухой и полный зонт свежих селедок!

Разноцветные солнца

Утром из-за горизонта одно за другим поднялись три солнца — голубое, зеленое и синее! А я собирался загорать! Хорошо же я стану под тремя разноцветными солнцами!

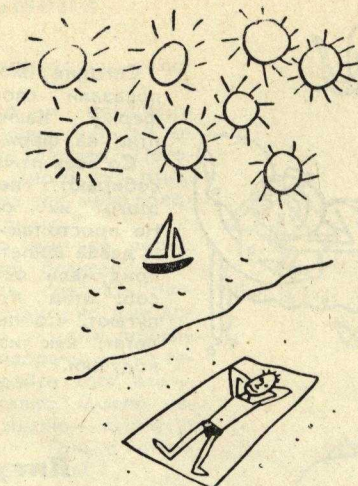
Я представил себя раскрашенным в голубую, синюю и зеленую полоску — точь в точь радуга!

Тогда я закутался в плащ и на глаза надвинул капюшон.

Когда я снова выглянул из-под капюшона, то увидел на небе восемь солнц. Обыкновенных, желтых — но восемь. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — все точно!

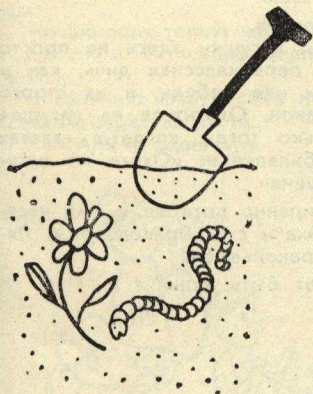
Некогда было гадать, откуда взялись на небе восемь солнц, я стал загорать. И под восьмью солнцами быстро наверстал упущенное время!

Вот я пишу это и сам себе не верю: так все необычно! Потому-то я и решил все события записывать в дневник: к написанному слову всегда больше доверия, чем к произнесенному. Это, наверное, потому, что прежде, чем что-либо написать, всегда надо подумать, чего часто не делаешь перед тем, как что-либо сказать. Да, что написано пером — того не вырубишь топором!

Вечером все восемь солнц благополучно, одно за другим опустились за горизонт. И я долго еще любовался ярко-голубым закатом.

Цветы под землей

У себя на родине я любил бродить по лугам и собирать цветы.

Все у цветов чудесно. Даже опыляются они душистым ветерком, красивыми бабочками и трудолюбивыми пчелами.

Но тут на лугах цветов не было. Это очень меня огорчало. Я принялся за поиски. Я искал, искал и нашел! Я нашел цветы под землей!

Я накопал огромный

букет подземных цветов. Что за чудесные цветы! Они то становились бледно-розовыми, то красными, то фиолетовыми. Огорчения моего как не бывало!

Теперь, отправляясь на прогулку, я всегда беру с собой лопату: я собираю цветы!

Но кто же опыляет цветы под землей?

Ведь под землей нет ни ветра, ни бабочек, ни пчел. Неужели эти многоцветные удивительные цветы завянут, так и не дав семян? Было тут над чем задуматься. Я думал, думал и нашел ответ.

Раз под землей нет ни ветра, ни бабочек, ни пчел — значит, цветы опыляют... червяки! Ползают от цветка к цветку и опыляют, ползают и опыляют.

— Над цветами порхали черви! — продекламировал я. Стихи явно не получились. Но ничего не поделаешь — факт!

Певчая улитка

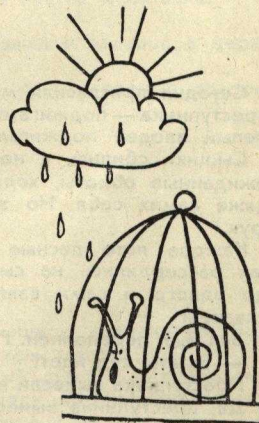
Птицеловы всего мира не устают хвалить певчих птиц. Но кому что нравится: местные жители той страны, куда я попал после кошачьего царства, например, предпочитают держать в клетках улиток: они яркие, как птицы, и тоже поют.

Сейчас у меня в клетке живет улитка, которая поет только тогда, когда на дворе идет дождь, и мне приходится скучать дома. Это очень кстати, улитка своим милым пением разгоняет мое мрачное настроение.

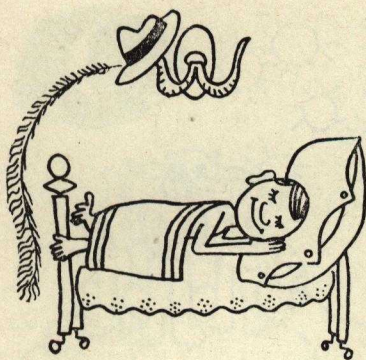
Птицы же обычно при дожде молчат: они любят

петь при хорошей погоде. А кому нужны песни, когда на дворе солнце? В хорошую погоду дома не усидишь! В хорошую погоду весело и без песен.

Вот потому-то я и предпочитаю певчих улиток певчим птицам и мухам: они поют, когда за окном и на душе черные тучи.

Пуганное перо

Сегодня мои друзья показали свою птицеферму. Каких только птиц на ферме нет!

Со всех птиц раз в год собирают перо. Для этого их ощипывают. Не просто так — схватили и давай щипать! Нет, тут придумали особый способ: птиц пугают. Так пугают, что перья с них летят, как из дырявой подушки.

Делается все очень просто. Птичница неожиданно бьет по клетке пыльным мешком: раз! — и птица голая! Птица голая, а мешок чистый. Выпавшее перо собирают в чистый мешок.

Труднее приходится с петухами. Хвосты у петухов невозможно длинные. Для них даже курятники строят в два этажа. Петух сидит на насесте во втором этаже, а хвост его достаёт до пола в первом. Попробуй, напугай такого!

Перья из петушиных хвостов просто выдергивают. Идут они на украшение шляп: одно перо на дюжину шляп. Все тут ходят в шляпах с петушиными перьями. А спят на перинах и подушках из пуганного птичьего пера.

Лягушачий браконьер

Ах, как страдают леса и поля от браконьеров!

Браконьер убивает зверей и птиц в запретное время и в запретных местах. Браконьер не любит леса, и лес не любит браконьера.

Таким браконьером стал я!

— Ни пуха, ни пера! — крикнули мне друзья, когда я с ружьем в руках отправился на болото. Я пожал плечами, причем тут пух и перья, если мне нужна для коллекции лягушка?

С ружьем наготове шагал я по крайней болоте. С ружьем, напоминаю, а не с палкой. С палкой тут нечего делать: в болоте живут лягушки ростом с курицу! А режут они громко, как быки. За три километра слышно — мороз по коже!

Только с двухствольным ружьем я отважился выйти на лягушачью охоту.

Стрелял я раньше и в дичь бегающую, и в плавающую, и в летающую. Но здесь надо было стрелять в прыгающую!

Выстрелы мои были удачны. И часу не прошло, а уж плечи оттянул мне тяжелый ягдташ. И тут повстречал я местного жителя.

— Сладки лягушачьи лапки? — вкрадчиво спросил он, разглядывая мою добычу.

Я потряс тяжелым ягдташем.

— Пожалте штраф за браконьерство! — крикнул местный житель и грозно вытянул шею.

Я так и присел.

Оказалось, лягушки здесь не просто лягушки, а первоклассная дичь, как у нас глухари или лебеди, и их строго охраняет закон. Охотиться на лягушек можно только тогда, когда в газетах появится объявление: «Охота на лягушек разрешена».

Так неожиданно потерял я имя честного охотника и стал браконьером. Лягушачий браконьером!

Что может быть хуже?

Поджигатель

Сегодня пригласили меня на суд. Судили страшного преступника — поджигателя лесов. Много лет этот свирепый злодей поджигал леса и был неуловим.

Сыщики сбились с ног; они устраивали засады, неожиданные облавы, ходили по следам и подозревали даже самих себя. Но злодей ловко ускользал из их рук.

Каждое лето лесные пожары губили лес. Жители так рассердились на сыщиков, что разогнали их всех до одного и сами взялись за дело. И вот — злодей схвачен!

Зал был переполнен. Раздалась команда:

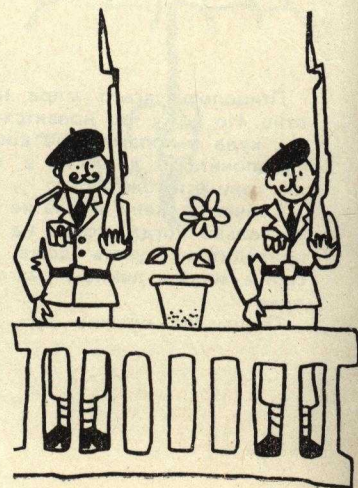
— Встать, суд идет!

Преступника вынесли на руках.

Да, преступника вынесли на руках! Он сидел в глиняном горшке. От него шел чудесный аромат. Он был

невелик, но красив и нежен. Это был... обыкновенный цветок. Цветок, который в течение многих лет поджигал и губил леса!

Суд приговорил все цветы этой породы к сплошной прополке. И все ребята должны были собрать по большому букету поджигателей. Присутствующие дружно засвистели. Так они выражали свое полное одобрение.

Скворечниковые семена

Что вырастет, если посадить арбузное семечко?

Вырастет арбуз.

А что вырастет, если посадить семечко тыквы? Ну, это смотря где. Если у вас, то тыква вырастет, а если тут — вырастут скворечники. Самые настоящие скворечники, те, что по деревьям развешивают, и в которых птицы живут.

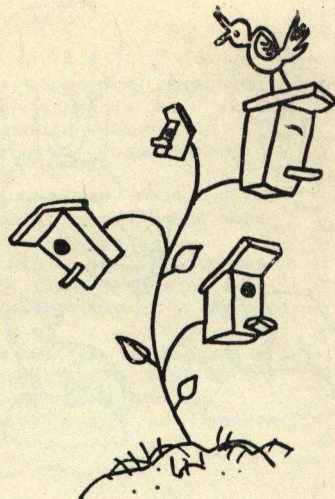
В каждом городе отведены грядки под скворечники. Как только весной сойдет снег, землю на грядках взрыхляют и сажают в нее семена. И скоро из земли вылезают зеленые скворечниковые ростки. Ребята поливают и пропалывают грядки. А ростки растут и растут. Вырастают стебли, листья, и, наконец, появляются цветы. А как только цветы отцветут, так сразу на их месте появляются скворечники. Крошечные — как спичечный коробок.

Солнце печет, дождь поливает: растут скворечники, соком наливаются. Глядишь уж и совсем созрели. Лежат на грядках спелые, крепкие, большие — один к

одному. Бери мешок да собирай.

Потому-то и повешены тут скворечники чуть ли не на каждом дереве. Потому-то так много тут птиц. И потому-то так мало вредных насекомых.

Если кто мне не верит, что на этой планете скворечники на грядках растут, — приходите ко мне домой. Дома у меня полный рюкзак скворечниковых семян. Забирайте хоть все — мне не жалко. Смело сажайте в землю — вырастут скворечники. Только поливать не ленитесь!

Веселый рис

Местные жители очень мучились со своими посевами. Особенно с рисом. Уж очень капризен.

Чтобы рис хорошо рос, нужно то добавлять на поля воду, то ее спускать.

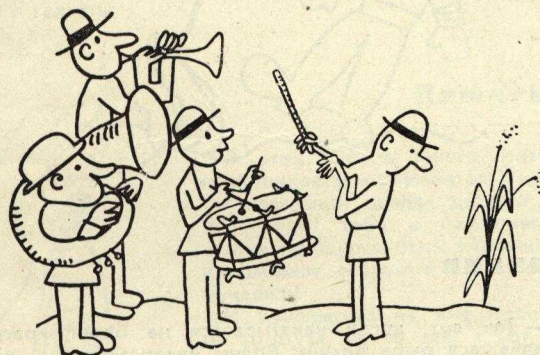
Днем на рисовые поля налетают прожорливые птицы.

Ночью поля топчут кабаны.

Ни днем ни ночью бедным земледельцам нет покоя.

В селениях смолк смех и стихли песни. И рис тогда совсем перестал расти.

— Ага! — смекнул я.

И тут же твердо решил помочь моим друзьям. Я попросил их отобрать для меня самых плохих музыкантов.

Взял я вместо дирижерской палочки длинную линейку и отправился на поле. Музыканты грянули марш. Я размахивал линейкой. Музыканты не умели играть, а я дирижировать, но главное у нас получалось — шум. Так мы шумели шесть дней и шесть ночей.

На седьмой день жители окрестных деревень стали жаловаться, что у них от нашей музыки вянут уши.

Я в ответ только загадочно улыбался. Я-то знал, что от нашей музыки вянут не одни уши: от нее завяли и засохли на полях все сорняки!

Своей дирижерской линейкой я измерил высоту риса и оказалось, что рис, наоборот, здорово подрос за это время! Да-да — рис весело рос под нашу музыку! Это был веселый рис!

— Я тебя заставлю расти под нашу дудку! — кричал я, размахивая линейкой.

Музыканты грянули галоп!

Начались танцы и слышались песни. Зазвенел смех. И чем больше кругом веселились, играли и пели, тем больше чахли сорняки и быстрее поднимался рис.

Птицы в страхе улетали с полей в лес, а прожорливые кабаны не высовывали из кустов и пятачка.

Урожай выдался на славу!

Давно убраны поля, но музыка и веселье в деревнях не умолкают.

Это, наверное, потому, что у всех полные закрома веселого музыкального риса!

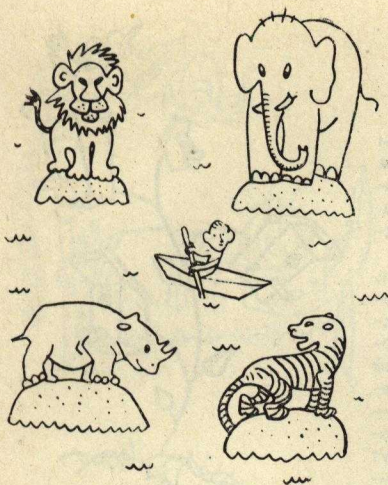
Дед Мазай и слоны

(Рассказ охотника)

Теперь я и сам уже дед. Перестали меня тестить охотничьи подвиги: нет ничего проще, как уничтожить! И потому я всегда с умилением вспоминаю не свои охотничьи удачи, а подвиг вашего деда Мазая. Я повторю его подвиг!

Началось как-то у нас страшное наводнение. Вода залила леса и степи — звери стали тонуть.

Тогда я сколотил огромный плот и отправился в путь. Просто было вашему деду Мазая! Знай хватать зайчишек за уши — да в лодку. А у нас на затопленных

островах и деревьях сидели не зайцы, а слоны и носороги, львы и леопарды! Попробуй-ка, схвати их. Того и гляди, они тебя самого схватят! Еще неизвестно, что тут делать нужно: их спасать или самому от них спасаться!

Я повернул назад. Я собрал народ и наказал всем строить плоты. А сам скорей домой — за луком и стрелами. Из дома — в аптеку, за порошком от бессонницы.

Выплыли на плотках.

Совсем другое дело! Подъезжаем к острову, я достаю стрелу, посыпаю ее порошком и — раз! — во льва или леопарда. Те сразу спать. Зевнут, почешутся и на боковую. Только храп стоит! Берем их за хвост и за гривок — и на плот. Плот нагрузим — гребем к берегу. На берегу зверей выгружаем. Выгрузим и дальше.

Досталось нам со слонами и носорогами. Сонные стрелы мои отскакивали от них, как от стенки горох. Да и что толку усыплять таких? Усыпишь, а с места не сдвинешь: слон триста пудов весит! Что делать? Но охотничья смекалка выручила и на этот раз. Отбросил я лук и стрелы, взял в руку хворостину. И этой простой хворостиной погнал слонов и носорогов с острова в воду, а по воде вплавь к берегу. Так всех и спасли.

Слоны и носороги, отоспавшиеся львы и тигры — все вместе одной стайкой весело убегали в лес.

— Помните, кошечки, деда Мазая! — кричал я им вслед.

Зеленая кровь

(Из рассказов моего друга — водолаза)

Все мне говорят, будто бы у людей, зверей, птиц и рыб кровь красная. А я не верю! Ну про птиц и зверей спорить не стану — это не мое водолазное дело! А уж за себя да за рыб — постою! Потому что своими глазами видел.

Напала раз на меня рыба-молот. Есть такая рыба, у нее вместо головы молоток. Здоровенный!

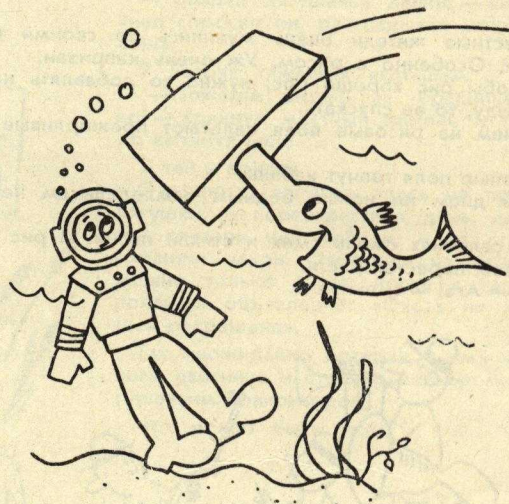
Так вот, стукнула она меня этим молотком по спине, — я и сунься иллюминатором в тину!

Копошусь в иле, как сазан, а рыба-молоток тяп меня за пальцы! Рассердился я и ткнул ее ножом! И вижу: у меня из пальцев, а у рыбы из бока кровь струится. Какая кровь? Зе-ле-на-я!

И заметь, это не что-нибудь там, а нормальный кровавый цвет. Вот как нормальный цвет травы и листьев — оранжевый. Ну, что ты жмешься? Правду ведь говорю! Ну скажи-ка, что не оранжевый!

— Оранжевый, — заспешил я. — У листьев оранжевый, у крови зеленый.

— То-то! — прохрипел водолаз, откидываясь на спинку стула. Живот у него запрыгал. Он беззвучно смеялся.

Красный прилив

— Уж если что и бывает красного цвета, — продолжал водолаз, — так это морской прилив!

— Прилив зеленый! — возразил я.

— Красный! — пошевелил водолаз кулаками. — Красный! Запомнил?

— Запомнил!

— Какого цвета прилив?

— Красного!

— А листья?

— Оранжевые!

— А кровь?

— Зеленая!

— Так вот, когда накатывается на берег красный прилив, вся рыба дохнет. Волны накатываются, а рыба дохнет.

— Дохнет! — повторил я, как эхо.

— И крабы дохнут!

— И крабы! — подтвердил я.

— И моллюски!

— И моллюски!

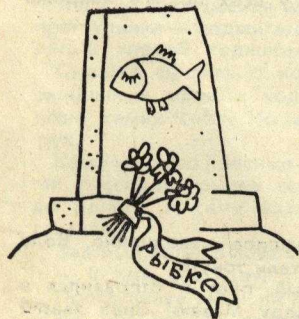
— А люди на берегу плачут и кашляют!

— И чихают! — пролепетал я.

— Правильно — и чихают! — обрадовался водолаз и так громыхнул по столу кулаком, что стол присел и охнул.

— Верить? — спросил он, свирепо глядя мне в глаза.

— Еще бы! — чирикнул я.

Говорящие цветы

Как только мы спустились с горы в долину, мой провожатый сразу забыл про меня. Он бросился собирать цветы. Это была долина цветов.

Геолог торопливо срывал их, внимательно рассматривал, что-то записывал. Губы его беззвучно шевелились. Казалось, что он разговари-

вает с цветами. Будто он их о чем-то спрашивает, а они ему отвечают.

— Уж геолог ли он? — подумал я. — Может, он ботаник или поэт?

— Что вы там шепчете? — спросил я громко.

— Я нашел клад! — ответил геолог. — В этой долине

глубоко под землей спрятаны несметные сокровища.

— Это кто же вам сказал? — удивился я.

— Они сказали, — крикнул геолог. — Цветы.

«Неплохо, — подумал я. — То цветы поджигатели, то подземные, то говорящие».

— Наши цветы такие! — выкрикивал геолог. — Им известны все клады, спрятанные в земле. Нужно только понимать их язык — они все расскажут.

Геолог любовался цветами, нюхал их, плел из цветов венки и радостно улыбался. Один цветок он вставил мне в петлицу. Я засушил этот цветок и берегу его до сих пор.

Когда мы стали рыть землю на том месте, где он рос, лопата со звоном ударилась о что-то твердое. Это что-то оказалось большим самородком золота!

Вот какие драгоценные цветы растут на Планете Чудес.

Вечная уха

Здорово я похудел. Тень моя стала толще, чем я сам.

Друзья рыбаки решили меня подкормить и принесли мне целое ведро живой рыбы. Рыбки были быстрые и пестрые, жалко из них уху варить. Достал я большую банку, налил в нее чистой родниковой воды и выпустил туда рыб: пусть живут!

Но жить рыбки не стали. Они как камни опустились на дно банки и перестали шевелиться.

Делать нечего — надо уху варить!

Я развел огонь, повесил над огнем котел с водой, бросил в котел рыб и закрыл котел крышкой.

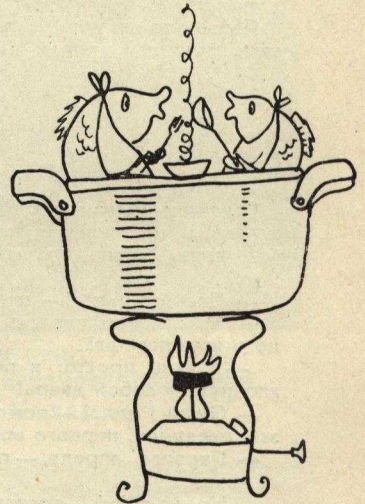
Скоро из котла пошел парок. Я открыл крышку, сунул в котел ложку, чтобы помешать, и отшатнулся! Все мертвые рыбы были живы и здоровехоньки и весело плавали в кипятке. Рыбки играли, резвились, и, когда я бросил в котел крупу, они начали крупу хватать и глотать!

Они съели всю крупу. Пропала моя уха!

Теперь у меня в комнате всегда горит огонь, над огнем висит котел, а из котла струится пар. В этом котле у меня живут рыбы.

Я каждый день варю себе из них уху и никак не могу сварить: рыбы съедают всю заправку.

Рыбы с каждым днем толстеют и толстеют. А я все худею и худею. Шея у меня стала такая тонкая, что через воротник ботинки видны.

Памятник букашке

В этой стране много разных памятников и монументов. Так уж тут заведено: сделал доброе дело — будет тебе и памятник.

Мне пришлось быть участником церемонии открытия памятника... букашке!

И букашка-то на вид простая, не то муха, не то тля, а вот по-ди ж ты! Букашка эта бешеную изгородь одолела!

Давно дело было. Посадили люди вокруг своих полей живую изгородь, чтобы дикие звери не могли портить их поля. Сперва все хорошо шло: колючая изгородь разрасталась и не пускала на поля прожорливых кабанов, буйволов и обезьян.

Но вдруг изгородь взбесилась!

Она стала набрасываться на поля, на посевы и всю землю перегородила вдоль и поперек: ни пройти, ни проехать!

Кто знает, отчего это случилось? Может, ее бешен-

ный волк покусал. Помните, у Мюнхаузена? Бешеный волк покусал шубу, и шуба взбесилась. Она стала набрасываться на людей, и ее пришлось пристрелить. Я никогда не верил этому рассказу, но вот, пожалуй-ста, — бешеная изгородь.

Что только люди не делали, чтобы справиться с ней! Изгороди жгли, ломали, корчевали, вырубали, а им хоть бы что! Они продолжали занимать землю и перегородивать ее так и этак, как им вздумается. Они отгородили людей от всего мира!

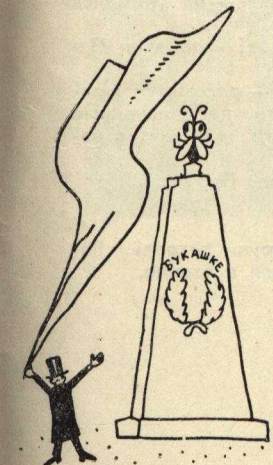
И вот, когда казалось, что с изгородью справиться нельзя, появилась храбрая букашка. Она созвала своих подруг, и букашки за одно лето сожрали на планете все изгороди.

Жители облегченно вздохнули: кому приятно всю жизнь проторчать за забором и ничего не видеть дальше собственного носа?

И вот букашке ставят монумент. На камне высечены слова: «С глубокой признательностью букашкам за то, что они прогнали с наших полей бешеную изгородь».

Вот вам и букашки!

За это и памятника не жалко.

Рыбка золотая

Помните сказку про золотую рыбку? Попалась рыбка старику в невод и вдруг промолвила голосом человеческим:

«Отпусти ты, старче, меня в море! Дорогой за себя дам откуп».

Старик отпустил рыбку, и она подарила ему новое корыто и построила новую избушку.

А тут и взаправду поймали рыбку — царевну морскую.

Никто уже точно не помнит, кто поймал эту рыбку и обещала ли она служить людям. Только сколько люди помнят — рыбка эта им служит. Правда, корыт рыбка не делает и домов новых не строит, но зато построенные дома от грозной беды сберегает.

В этой стране людям не очень-то спокойно живется. То и дело под землей что-то гудит, ворочается, и от страха трясутся дома, деревья, дороги, столбы, заборы и рельсы. Все дрожит — куда ни взгляни. А то и рушится!

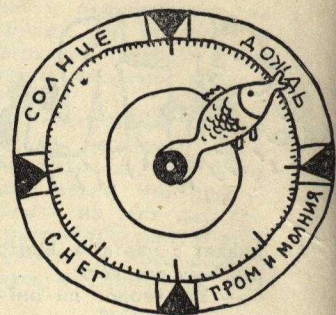
Потому-то жители сооружают дома из бумаги: все-таки приятнее, когда на голову свалится бумажный

потолок, а не бревенчатый. Или строят дома на пружинках. Земля трясется, а дома подскакивают, как кузнечики, но не разрушаются.

Землетрясение не остановишь и справиться с ним нельзя. И никто не знает, когда оно начнется. А белая рыбка знает. Белая рыбка все знает. Она живет в большом хрустальном дворце и бережет покой людей.

Если тихо вокруг — и рыбка спокойна: плавает себе из угла в угол. А если быть беде, если скоро затрясется земля — рыбка начинает метаться и всех предупреждает: спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

Так служит людям белая рыбка. Простая белая рыбка — но все зовут ее золотой!

Планета чудес

Редактор кончил читать рукопись, потряс головой и откинулся на спинку стула.

— Н-да! кисло произнес он. — Ска-а-азочная планета!

— Планета чудес! — подтвердил Парамон.

— Но как вам удалось выбраться из вашего сказочного королевства?

— Очень просто: я перешагнул через порог и захлопнул за собой дверь!

— Очень мило! — поморщился редактор. — И было это, наверное, первого апреля?

— Первого апреля, — подтвердил Парамон. — В день обмана.

— Но к делу! — воскликнул редактор. — Как астрономы называют эту вашу Планету Чудес?

— Астрономы называют ее так же, как и все люди. Ветер залистал на столе бумаги.

— Посмотрите, — сказал Парамон. — Разные планеты мерцают в черном пространстве. И каждая — особый, таинственный мир.

На одной никогда не бывает утра и вечера, а только день и ночь. На другой — вечная ночь с одной стороны и вечный день с другой.

Далекие, удивительные миры...

Но есть планета совсем сказочная.

Когда на верхней ее половине лето, то на нижней — зима. Когда на одной стороне утро, на другой — вечер.

С двух сторон венчают ее два белых пятна. С одного пятна, куда ни посмотри, все будет Юг, а с другого — только Север. На планете есть океан, где встречаются Восток и Запад.

Планета полна чудес.

На ней живут разумные существа. Они называют себя людьми. А планету свою — Земля!

— Что-о?! — испугался редактор. — Уж не хотите ли вы сказать, что все то, что вы тут написали, произошло на земле?

— На земле, — сказал Парамон.

— А разноцветные солнца, сухие дожди, певчие улитки!?

— И золотая рыбка, и подземные цветы! — добавил Парамон.

— А кошачье царство, а вечная уха? — не унимался редактор.

— И зеленая кровь и все остальное! — добавил Парамон.

— Вы что — смеетесь надо мной? — рассвирепел редактор. — Что вы мне подсовываете переименованные рассказы враль Мюнхаузена! Все это невероятно, невозможно, это не может быть.

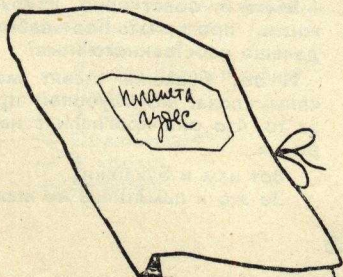
— Это может быть, — тихо сказал Парамон.

— Где доказательства?*

— Вот!

Парамон протянул редактору серую тетрадь. Редактор зашуршал листами и углубился в чтение.

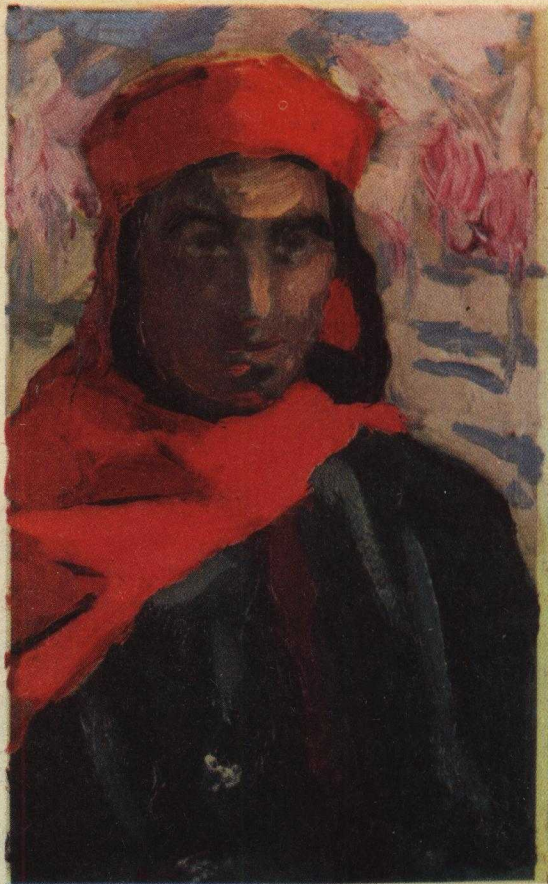
(Окончание следует)

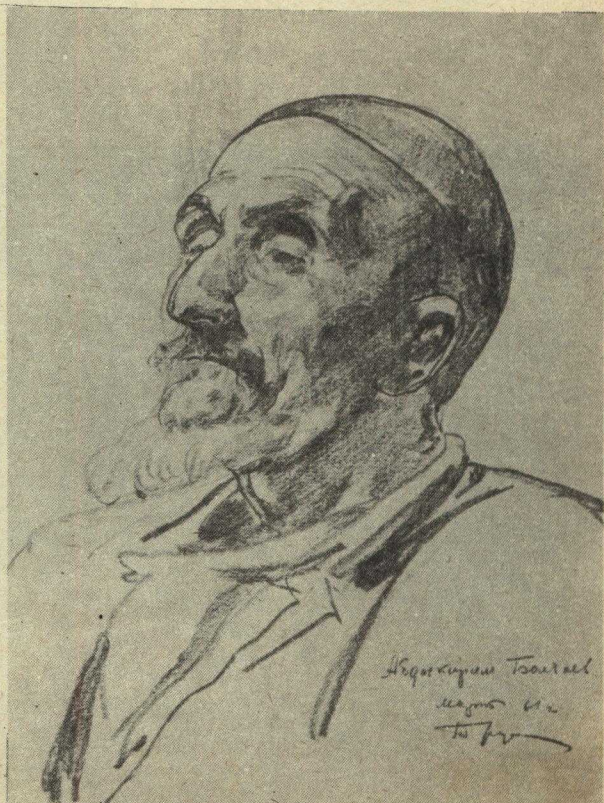
Этюды М. Труфанова

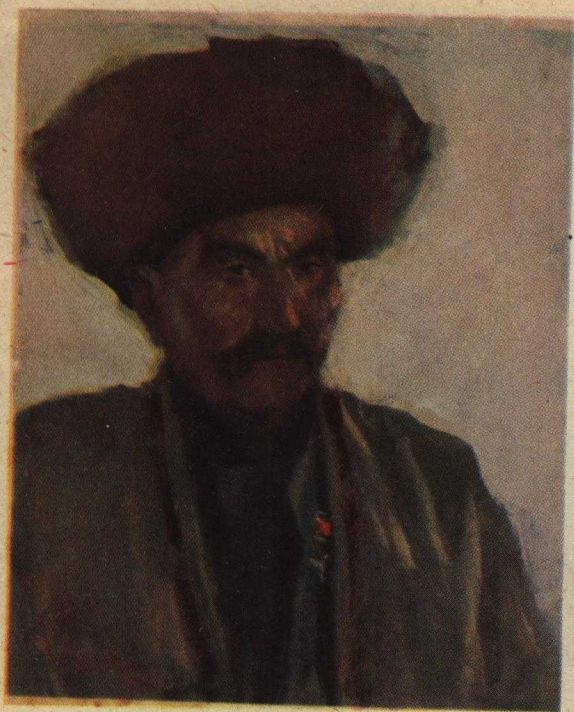
Урюк цветет

Бригадир,
Герой Социалистического Труда
Акаш Муханова

Колхозный сторож Абдукерим Балтаев.
Рисунок.

Бригадир,
дважды Герой Социалистического Труда
Ораз Дурдыев

Этюды Ю. Тулина

В селении

Пейзаж

В КОЛХОЗЕ

ИМЕНИ ТЕЛЬМАНА

Рисунки Д. Боровского

Туркмения, далекая жаркая страна за Каспием. Ее привыкли называть, как и все наши южные республики, — солнечной...

Художники Боровский, Труфанов и Тулин захотели увидеть Туркмению и показать людям ее природу, народ, новое в ее жизни. Они выехали из Ленинграда ранней весной. Еще шел снег, мокрый, вперемешку с дождем, пасмурные улицы казались одинаково серыми. А в Туркмении весна уже расцвела. Небо слепило и радовало своей синевой, деревья — розовые, белые, светло-зеленые — смягчали эту синь, делали ее веселой и нежной. Ашхабад — большой удобный город с домами, построенными всего за какие-нибудь десять-двенадцать лет — старый город разрушило страшное по силе землетрясение. Много можно рассказать об Ашхабаде, о труде и героизме его жителей. Но художники топились дальше — в хлопководческий колхоз имени Тельмана.

Слышали, что такое Кара-Кумы? Безводная пустыня. В центре этой пустыни и находится колхоз имени Тельмана. Он славится своими миллионными доходами. Как смогли люди добиться таких доходов? Но ведь среди этих людей — 28 Героев Социалистического Труда и еще больше орденосцев. Разве это ни о чем не говорит?

Художники поселились в крестьян-

Атакан серьезен и не болтлив. Целыми часами наблюдал он за работой художников.

ском мазаном домике. Работы оказалось столько, что жаль было тратить время на сон. Впрочем, будильников не потребовалось — солнце поднимало их рано. Колхозники с уважением относились к их труду: время было самое страдное, и все же они никогда не отказывались позировать.

Каждый из художников задумал самостоятельную серию работ, но об-

Трикеш — порывистый, горячий, как степной жеребец. — Наездник, — ласково шутят старики. А „наездник“ мечтает стать летчиком.

щая тема — люди, превратившие Кара-Кумы в цветущий край, и новая красота этого края. Несколько этюдов и рисунков с натуры, сделанных художниками в Туркмении, мы публикуем в журнале.

Эту девочку зовут совсем по-русски — Оля.

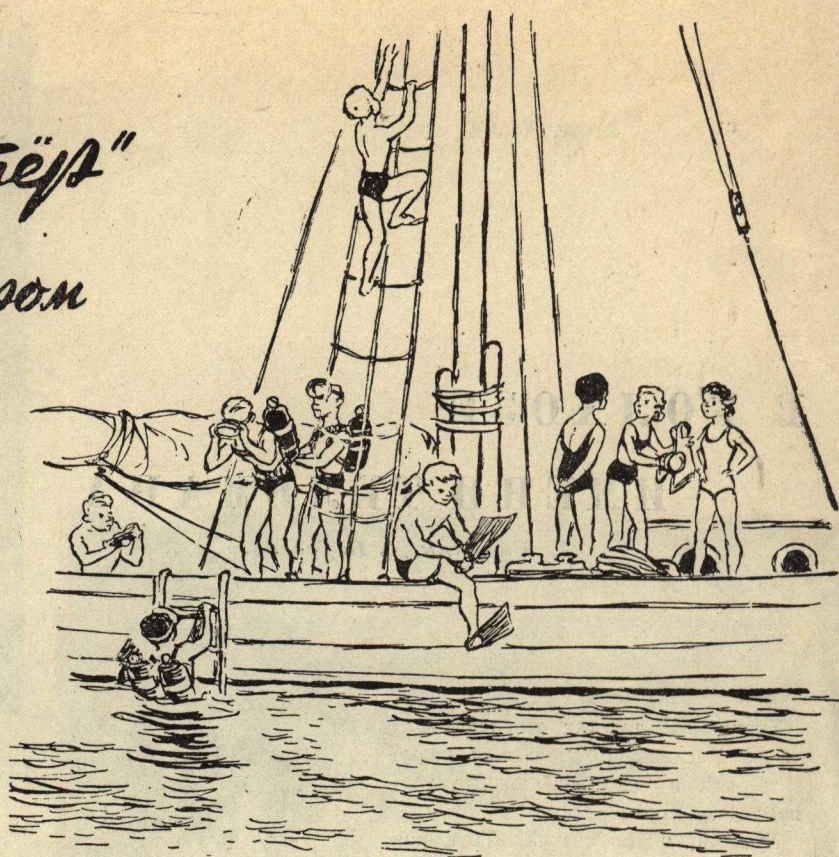
Яхта „Костёр“

знакомится с подводным миром

РАДИОГРАММА КАПИТАНА ЯХТЫ

Сообщаю наши координаты на 14.00 2 ноября: широта 39° (наименование радист не разобрал), долгота 25° ост.

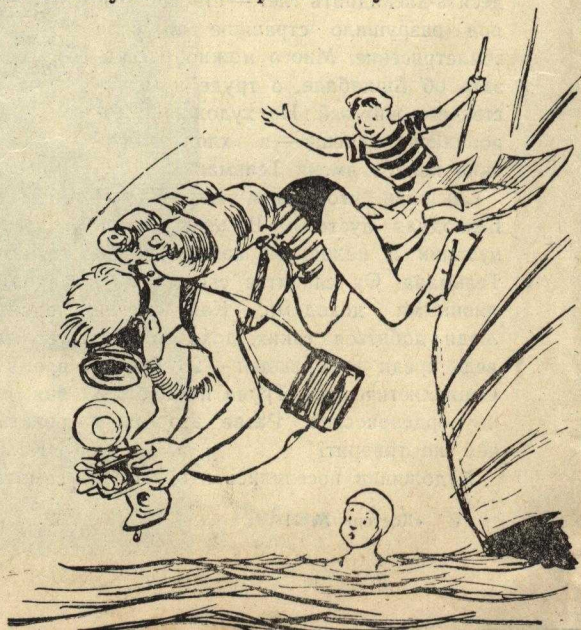
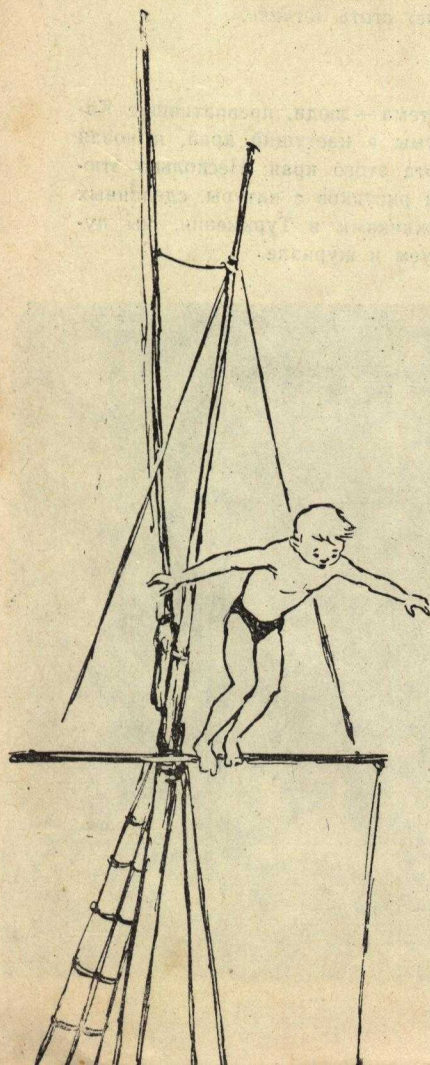
В море еще очень хорошо, но скоро начнутся дожди, а за ними придут и холода. Ребята попросили устроить последнее в этом сезоне купанье. Задерживаться не хотелось — впереди еще большой путь, а времени мало.

Уступил настойчивым просьбам команды с одним условием: каждый должен сделать хоть одно маленькое открытие, подметить что-нибудь интересное или обнаружить загадочное явление.

Даша и Петя не умеют нырять. Они плавали на поверхности у самого борта яхты и опускали головы в воду, чтобы полюбоваться морским пейзажем. Скоро они поднялись на палубу и стали спорить, у кого лучше зрение. Леня Птичкин, чтобы погрузиться поглубже, прыгнул с мачты. Однако он очень быстро вылетел на поверхность. Оказывается, нырять не так уж просто. Как же работали искатели жемчуга и собиратели губок?

Остальные ребята надели акваланги и ушли на глубину. Юра Семечкин захватил с собой фотоаппарат. Он хочет поразить нас снимками морских глубин. Лева Бурчалкин скоро вернулся на яхту. Он порезал палец о какую-то ракушку и ему показалось, что из царапины течет изумрудная жидкость. На самом деле это была обыкновенная кровь.

Вася Чижиков повстречался с огромной рыбой. Кто из них больше испугался, установить не удалось. К счастью, все окончилось благополучно.

Я сам, хотя и не купался, но задумался над одним явлением: плавал я в Белом море, а вода там не белая, а темная, плавал в Черном — там вода синяя, плавал в Красном — вода голубовато-зеленая... От чего это зависит, как вы думаете, ребята?

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

(Вопросы в „Костре“ № 9)

1. Выбленочный узел. Может быть завязан на любом гладком бревне. Не скользит.

2. Туже выбрать шкоты. Пойти менее круто к ветру.

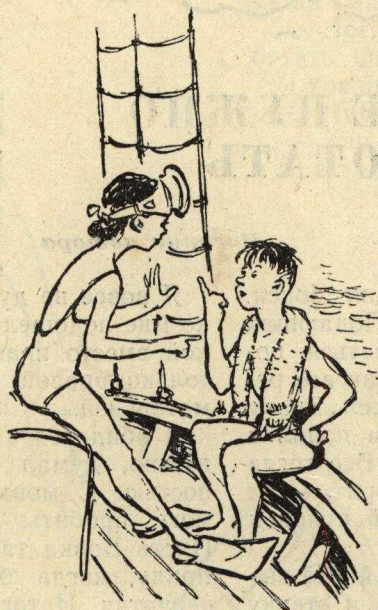
3. В момент пересечения экватора Полярная звезда скрывается за горизонтом.

4. Угорь. Живет 10—20 лет. Из рек и других водоемов спускается к Атлантическому океану и плывет к Саргассову морю. Только там один раз в жизни мечет икру.

5. Колумб. Открыл Америку.

6. Магеллан. Обогнул Южную Америку, пересек Тихий океан. Фактически первым совершил кругосветное путешествие.

7. Лазарев. Адмирал русского флота. Совместно с Беллинсгаузеном открыл Антарктиду.

ПРИКАЗ ПО МОРСКОМУ КЛУБУ „КОСТРА“

Всем юнморам срочно прислать ответы на следующие вопросы:

§ 1. В каком море находится яхта?

§ 2. Почему спорили Даша и Петя? Кто из них лучше видел? У кого из них зрение лучше?

§ 3. Какая сила выталкивает ныряльщика на поверхность воды? На какую глубину можно нырнуть без водолазного снаряжения? Сколько времени человек может пробыть под водой без дыхательного аппарата?

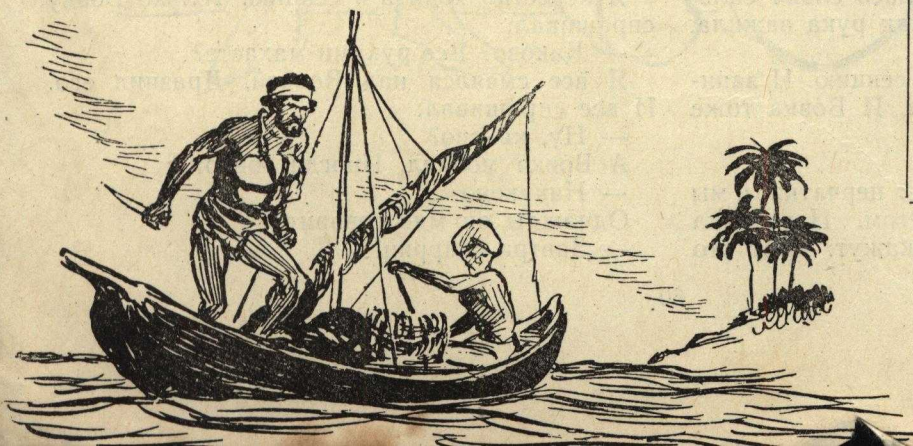
§ 4. Почему человек с аквалангом может плавать на различных глубинах и его не выталкивает на поверхность?

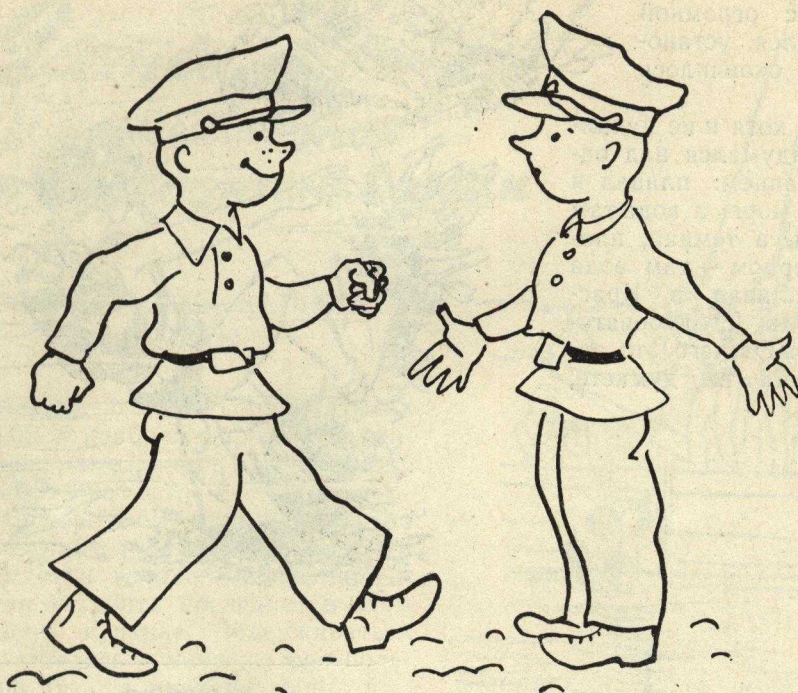
§ 5. Каким аппаратом можно снимать под водой? Годится ли для этого аппарат Юры Семечкина? Требуется ли для съемки искусственное освещение?

§ 6. Почему Лева Бурчалкину показалось, что у него кровь изумрудного цвета?

§ 7. От чего зависит цвет морской воды?

Боцман Румпель

В ЛЮБОМ ДЕЛЕ НУЖНО УМЕТЬ РАБОТАТЬ

Виктор Голявкин

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошел записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того, как хотел Вовку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! — говорят, — вот это удар». Я все ходил с распухшей рукой и всем показывал:

— Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы.

— Насквозь?! — удивлялись ребята.

С тех пор за мной укрепилась слава сильнейшего. Даже после того, как рука зажила. И показывать было нечего.

И вот я пришел первым в секцию. И записался. И еще ребята пришли. И Вовка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки, и мы будем драться друг с другом. Наверняка я всем дам нокаут. И все скажут: «Вот это

Рисунки автора

боксер!» А тренер скажет: «Эге, брат, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколада больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал нам перчаток. Он выстроил нас всех по росту. Сказал: «Бокс дело серьезное. Пусть все об этом подумают. А если кто по-другому думает, то есть, что бокс несерьезное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

— Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это ко мне, а тренер ко мне подошел и сказал, что я бью левой рукой вместо правой в то время, как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пошел больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне все это нужно! Пусть Вовка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать. Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию. Только Вовку спрашивал:

— Каково? Все руками махаете?

Я все смеялся над Вовкой. Дразнил его. И все спрашивал:

— Ну, каково?

А Вовка молчал. Иногда говорил:

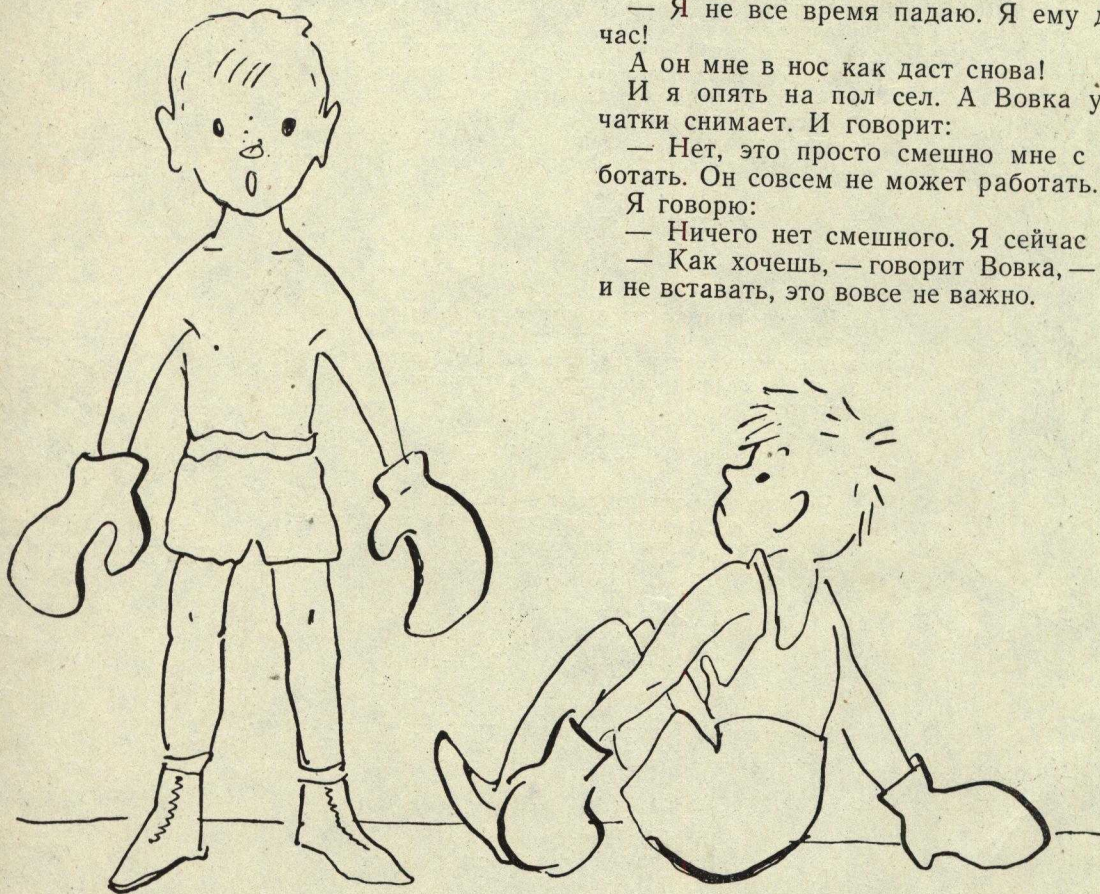
— Никаково.

Однажды он мне говорит:

— Завтра спарринг.

— Чего? — говорю.
 — Приходи, — говорит, — сам увидишь.
 Спарринг — это учебный бой. Мы в общем драться будем. То есть работать. По-настоящему.
 — Ну, работай, работай, — я говорю. — Зайду завтра к вам, поработаем.
 Захожу на другой день.
 Тренер спрашивает:
 — Ты откуда?
 — Я, — говорю, — здесь записан.
 — Ах вот оно что!
 — Я в спарринг хочу.
 — Ну! — сказал тренер.
 — Ну да! — сказал я.
 — Все ясно, — сказал тренер. Он надел мне перчатки. И Вовке надел перчатки.
 — Слишком ты боевой, — сказал он.
 Я сказал:
 — Разве это плохо?

— Хорошо, — сказал он. — Очень даже.
 Мы с Вовкой вышли на ринг.
 Я размахнулся и как ударю!.. Но мимо.
 Я второй раз размахнулся — и сам упал, значит, опять промахнулся. Я смотрю на тренера. А тренер говорит:
 — Работай, работай!
 Я встал и опять замахнулся, как вдруг Вовка мне как стукнет. Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!
 Я даже руки опустил. И не пойму, в чем дело.
 А тренер говорит:
 — Работай, работай!
 Вовка говорит тренеру:
 — Мне с ним неинтересно работать.
 Я разозлился, на Вовку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.
 — Нет, — говорит Вовка, — я с ним работать не буду. Он все время падает.
 Я говорю:
 — Я не все время падаю. Я ему дам сейчас!
 А он мне в нос как даст снова!
 И я опять на пол сел. А Вовка уже перчатки снимает. И говорит:
 — Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.
 Я говорю:
 — Ничего нет смешного. Я сейчас встану...
 — Как хочешь, — говорит Вовка, — можешь и не вставать, это вовсе не важно.

НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ, О КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГРОССМЕЙСТЕР ВИКТОР КОРЧНОЙ

Рисунки А. Кора

Дело было в прошлом столетии. Замечательный шахматист Поль Морфи гастролировал по Европе. Совсем еще молодой человек, он побеждал самых грозных противников.

С Полем Морфи пожелали сыграть партию две сиятельных особы: герцог Брауншвейгский и граф Изуар.

В этой партии Морфи играл белыми, а герцог и граф, советуясь друг с другом, — черными.

1. e2 — e4	e7 — e5
2. Kg1 — f3	d7 — d6
3. d2 — d4	Cc8 — g4?

Морфи был первым, кто понял все огромное значение развития в начале партии. Играя, он никогда не ходил в дебюте одной и той же фигурой, не терял напрасно ни одного начального хода, но не торопился с боевыми действиями, пока не развернуты силы.

После неудачного третьего хода черным не избежать размена только что выведенного слона. Тогда окажется, что белые вывели две фигуры, а черные — ни одной.

4. d4 : e5	Cg4 : f3
5. Фd1 : f3	d6 : e5
6. Cf1 — c4	Kg8 — f6
7. Фf3 — b3	Фd8 — e7

Черные вынуждены защитить важное поле f7. Если белые возьмут на b7, черные разменяют ферзей на b4 и отделаются сравнительно легко. Но Морфи не гонится за материальным перевесом. Он продолжает развивать фигуры.

8. Kb1 — c3	c7 — c6
9. Cc1 — g5	b7 — b5

Черные не могут вывести коня b8 ни на a6 (коня побьет слон), ни на d7 (тогда белый ферзь побьет на b7). Они хотят сначала пойти пешкой.

Лучше было Фс7 (чтобы вывести слона и рокировать).

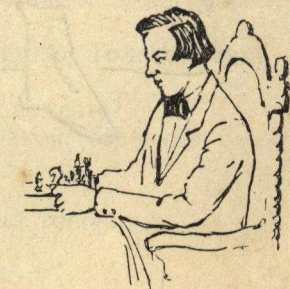
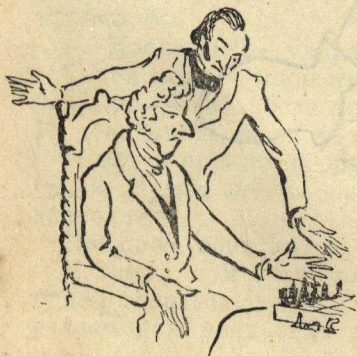
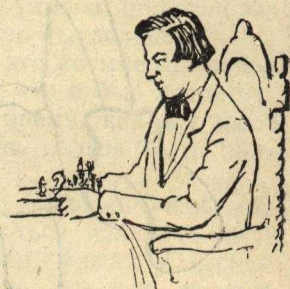
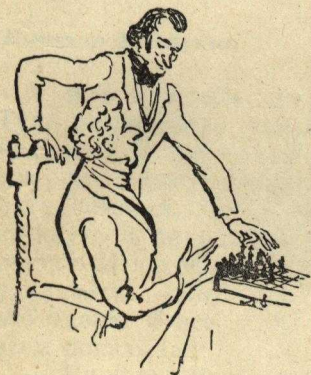
10. Kc3 : b5	c6 : b5
11. Cc4 : b5 +	Kb8 — d7
12. 0 — 0 — 0	Ла8 — d8
13. Лd1 : d7	...

Характерный выигрыш темпа при связанных вражеских фигурах. Вводится в бой ладья.

13. ...	Лd8 : d7
14. Лh1 — d1	Фe7 — e6
15. Cb5 : d7 +	Kf6 : d7
16. Фb3 — b8 + !	Kd7 : b8
17. Лd1 — d8 ×	

У белых осталось две фигуры. Но фигуры королевского фланга черных так и не сдвинулись с места. Вот почему выиграл Морфи.

Незнатный шахматист наголову разгромил сиятельных противников, и это, конечно, была неслыханная дерзость.

[illegible]

СОЮЗ
ПЕЧАТЕ

САТУРН
СЕГОДНЯ
СОРЕВНОВАНИИ
КОМЬ

ФИНЛЯНД

ВЫДАЧА
ПАСПОРТА

ТАКСИ
ЗЕМЛЯ-
КОСМОС

ВЫДАЧА

